

Мама для Сашеньки

Инна Карташевская

Инна Карташевская

Мама для Сашеньки

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8922261

Мама для Сашеньки / Инна Карташевская: Книга-Сефер; Тель-Авив;

2015

Аннотация

Молодой, богатый бизнесмен Стас Мощенский ищет себе жену и любящую маму для своей осиротевшей дочки. Подходящих, по его мнению, кандидатов он приводит в дом, чтобы познакомить с девочкой. Но у маленькой Сашеньки в её три с половиной года есть уже своё мнение и решительный характер. Несмотря на малолетство, она находит способы избавиться от нежелательных мамочек, пока наконец её отец начинает понимать, что его дочка уже давно выбрала себе ту, которую считает своей мамой, и которая действительно любит её и её папу.

Инна Карташевская

Мама для Сашеньки

Стас машинально положил трубку телефона, совершенно потрясенный услышанным. Такого он не ожидал, да и не желал никогда Саше, несмотря на то, что был зол на нее. Он вообще относился к ней совсем не так, как к другим женщинам. Одно время он даже подумывал, что может стоит жениться на ней, правда, предложение сделать не успел, и, слава богу, потому что она оказалась совсем такой же, как и другие. Сколько раз до нее он уже обжигался с женщинами. Сначала, естественно, они говорили ему только о бескорыстной и нежной любви, а потом все как одна старались поскорее женить на себе. Возможно, конечно они и действительно любили его. В свои двадцать восемь лет Стас был видным мужчиной, высоким, спортивным, красивым, а еще богатым, даже можно сказать очень богатым. Жесткий по характеру, с женщинами он всегда держался очень великодушно, был ласков, дарил хорошие подарки, цветы, говорил комплименты, вот они и начинали считать его легкой добычей. В один прекрасный момент, терпения у них не хватало, и они мило смущаясь, объявляли ему о том, что ждут от него ребенка. И, понятное дело, рассчитывали, что такой благородный мужчина уж точно не бросит своего ребенка и бедную беспомощную беременную женщину. И просчитывались, пото-

му что не знали самую страшную тайну Стаса, о которой не догадывались даже его близкие друзья. Еще в юности Стас случайно выяснил, что у него не может быть детей. Во всем остальном вы полноценный мужчина, сказал ему доктор, но вот детей у вас быть не может. Тогда в девятнадцать лет он не очень-то задумывался о детях. Просто стал чувствовать себя ущемленным и решил, что об этой его тайне никто никогда не узнает. Потом когда-нибудь он найдет себе женщину, у которой тоже не может быть детей, или которой они не нужны, такое тоже бывает, и женится на ней. Они объявят всем друзьям и знакомым, что решили жить только для себя, и пусть те думают, что хотят.

С тех пор он старался не думать о детях вообще и преуспел в этом. Он равнодушно смотрел на капризных и надоедливых отпрысков своих друзей, а иногда даже тихо радовался, что без этих крикунов и драчунов ему живется гораздо спокойнее.

Своих подружек он не заставлял предохраняться, просто никогда не говорил с ними об этом, а они старались использовать это как могли, время от времени делали вид, что забыли принять таблетки, или забыли их купить, и, делая вид, что ужасно боятся залететь, на самом деле с нетерпением ожидали этого. Когда очередная пассия объявляла ему о своей беременности, Стас тут же терял к ней интерес и только холодно разглядывая ее, пытался угадать, как же она на самом деле постаралась организовать эту беременность, обратилась

к какому-нибудь приятелю, который ей помог, или просто собирается потом объявить ему, что у нее произошел выкидыш.

Что они на самом деле собирались делать, он так никогда и не узнавал, так как прекращал отношения немедленно и бесповоротно, и дальнейшая судьба этих аферисток его совершенно не интересовала.

Саша была единственной, о которой он время от времени вспоминал и даже жалел ее. Нет, он не жалел, что расстался с ней после того, как она как и все прочие сообщила ему, что ждет от него ребенка. Этой лжи он не мог простить и никогда бы не простил. Он жалел о том, что она пошла по этому проторенному многими другими до нее пути. Он верил, что она действительно любила его и была равнодушна к его деньгам. Она была милая, доверчивая и искренняя. И еще испуганная. В восемнадцать лет она осталась совсем одна. Какие-то все подобрались болезненные в ее семье и умерли один за другим буквально за один год. Отца своего она вообще не знала, он ушел от ее матери, когда та была еще беременна, но жила она в благополучной и интеллигентной семье. Дедушка – профессор, бабушка – кандидат наук, и мама – преподаватель английского языка обеспечивали ей вполне комфортное существование, но своей чрезмерной опекой привели к тому, что она выросла совершенно неприспособленной к самостоятельной жизни.

Возможно, они и не планировали для нее самостоятель-

ную жизнь, а думали передать ее из рук в руки хорошему обеспеченному мужу, который будет продолжать хранить ее и лелеять, когда им придется уйти. Но жизнь распорядилась по-другому. Первой неожиданно умерла ее мать. Рак груди у нее обнаружили, когда болезнь была уже настолько запущена, что о лечении не могло быть и речи. Через полгода после смерти дочери скоропостижно скончался от инфаркта дед. Ну, а бабушка вместо того, чтобы взять себя в руки и жить до тех пор, пока внучка не будет пристроена, позволила себе тоже умереть через два месяца после смерти мужа.

Так Саша осталась одна, в огромной профессорской квартире, с небольшой по нынешним понятиям суммой денег, которые остались ей от ее родственников, и совершенно беспомощной и легкой добычей для любого афериста, которому захочется всем этим завладеть.

В общем-то, Стас считал, что ей повезло, что он познакомился с ней почти сразу же после похорон бабушки, пока еще никто другой не занялся ею, чтобы выманить у нее ее наследство. Повезло, потому что он был богат и достаточно порядочен, чтобы не обидеть, а наоборот, защитить этого ребенка. Познакомились они случайно. Стас купил квартиру в этом же доме, не для того, чтобы жить там, конечно, а просто вкладывал деньги, и однажды приехав, чтобы оценить доставшуюся ему собственность, он увидел на площадке хорошенькую юную девушку, которая с совершенно растерянным видом пыталась дозвониться в его пустую квартиру. Оказа-

лось, что у нее потек кран, и она не зная, что делать, хотела попросить помощи у соседей, даже не заметив, что там никто не живет. Естественно, он помог ей, в благодарность она пригласила его на чай и рассказала свою историю. Понятно, он пожалел ее, но вначале даже и не думал, что между ними может что-то быть. Она показалась ему совсем ребенком, и он попытался преподать ей уроки выживания, опираясь на собственный опыт. Но вскоре понял, что это бесполезно, и решил, что будет просто помогать ей и защищать ее, пока она не найдет себе достойного с его точки зрения мужа. Он стал навещать ее примерно раз в неделю, чтобы убедиться, что у нее все в порядке. Она угощала его чаем или кофе с принесенным им же тортом, и, в конце концов, он стал подозревать, что она ничего другого готовить и не умеет. Разговаривали они обычно о музыке, живописи или литературе, других тем она, по-видимому, не знала. Еще она рассказывала ему о том, что было у них на занятиях в институте (она училась на филологическом факультете, и Стас опять-таки недоумевал, чем она собирается заниматься после его окончания, так как, по его мнению, никакой толковой работы с такой специальностью найти было невозможно). Он дал ей номер своего телефона на всякий случай, и она действительно стала звонить ему по каждому пустяку, и он даже решил сделать ей выговор, когда вдруг понял, что эта девочка влюблена в него и звонит, чтобы просто лишний раз услышать его голос. Слегка озадаченный этим открытием, он по-

внимательнее пригляделся к ней, и обнаружил, что она вовсе не такой уже ребенок, а разница между ними довольно терпимая – всего десять лет. Подумав, он пригласил ее в ресторан на день рождения друга и был даже растроган тем счастьем, которым мгновенно засветились ее глаза. В тот вечер он остался у нее ночевать, а еще через неделю она перебралась к нему. С ней было легко ужиться, она была послушной, всеми силами старалась ему угодить. Его умиляли ее инфантильность и полная неприспособленность, и ему нравились ее интеллигентность, полное отсутствие вульгарности и совершенное бескорыстие. За те полгода, что они прожили вместе она ни разу ничего у него не попросила, радовалась его подаркам независимо от их ценности и в ответ тоже обязательно что-нибудь дарила на деньги, которые остались ей от бабушки с дедушкой. Поначалу он даже подумывал о том, что из нее могла бы выйти самая подходящая для него жена. Во-первых, послушная, Стас терпеть не мог, когда ему противоречили. Во-вторых, скромная и тихая, такая не будет швырять его деньги налево и направо, требовать дорогих подарков или устраивать скандалы. Ну, а самое главное, он надеялся ее легко убедить, что им не нужно заводить детей, так как он их терпеть не может, и она будет его единственным ребенком всю жизнь. Но эта идиллия не продлилась долго. Уже через пару месяцев все те качества, которым он вначале умилялся, стали его раздражать. Сам крутой и даже жестокий по характеру, служащие трепетали только от одного

его взгляда, Стас презирал неприспособленных к жизни и непрактичных людей. Как каждый человек, который сам себе пробивал путь наверх, он считал таких людей лентяями, которые просто хотят паразитировать на ком-нибудь другом. Еще его стала утомлять эта ее бесконечная привязанность к нему. Стоило ему прийти с работы домой, как она садилась возле него, заводила какие-нибудь разговоры на всякие совершенно оторванные от жизни темы. А ведь он был деловой человек, и даже дома вечно занимался бумагами, телефонными переговорами или просто обдумывал денежные операции или контракты. Если же он просил ее не мешать ему, она сидела молча, но непременно прижавшись к нему и заглядывая ему в глаза. Его проблема была в том, что он не мог так просто отделаться от нее, как он делал с другими, так как осознавал, что она очень молода, одинока, беспомощна и бесконечно доверяет ему, и он продолжал жить с ней, хотя она все больше и больше становилась для него камнем на шее. Иногда думая о ней, он с тоской понимал, что в конце концов, ему придется на ней жениться и тащить ее на себе всю жизнь.

Но Саша сама разрушила свое счастье. Однажды утром она робко пролепетала, что ей нужно ему что-то сказать. Умудренный прежним опытом, Стас понял, что его ожидает и едва сдерживаясь, выслушал ее признание в беременности. Потом все также стараясь не выдать охватившего его бешенства, он с неприятной улыбкой объяснил ей, что этого не мо-

жет быть. Все еще не веря, что все кончено, она попыталась убедить его, что ее беременность подтвердил доктор, а так как у нее никогда не было других мужчин, это может быть только его ребенок, но Стас не захотел даже слушать. Потом было много еще отвратительных сцен, когда она плакала и просила поверить ей, а он предлагал ей обратиться к настоящему отцу ее ребенка, Стас и сам не любил об этих сценах вспоминать, так как они действительно были мерзкими, но кончилось все тем, что в один прекрасный день Саша перестала плакать и гордо выпрямившись, сказала ему, что она от него уходит, но он должен пообещать ей, что, когда ребенок родится, он сделает генетическую экспертизу и вот тогда подтвердится, что ребенок его, так как ничьим больше он быть не может. Издевательски улыбаясь, он дал ей слово, что пройдет экспертизу, и она ушла к себе, презрительно отвергнув деньги, которые он ей по доброте душевной предложил.

С тех пор он ни разу в эту свою квартиру не приезжал, и они ни разу не виделись, но все-таки ему было жаль ее, и бросить ее совсем на произвол судьбы он не мог. Сам, ругая себя за слабость, он договорился с ее соседкой старушкой, что та будет приглядывать за ней и время от времени звонить ему. Когда Саша была на последних месяцах беременности, старушка якобы по доброте душевной, а не ради Стасовых денег, вообще перебралась к ней, чтобы та не оставалась одна. Когда Саше пришло время идти в роддом, старушка помогла ей добраться туда и позвонила Стасу. А потом... потом

последовал звонок врача. У Саши оказалось слабое сердце, но так как она рожала в обычном городском роддоме, да еще и бесплатно, никто не удосужился, как следует осмотреть ее. Ночью после родов ей стало плохо, дежурного врача долго искали, а когда он прибежал и вызвал реанимацию, уже было поздно. Перед смертью Саша написала его, Стаса, имя, фамилию и номер телефона. Она также написала, что он отец ребенка и просила уговорить его пройти генетическую экспертизу, которая может подтвердить это.

– Я думаю, вам нужно приехать к нам. – Сказал ему врач из роддома. – Во-первых, кто-то должен заняться похоронами. Вы возьмете это на себя?

– Да, конечно, – машинально ответил Стас, все также продолжая думать о Саше, о том, как печально она распорядилась своей судьбой. – Я поручу своему секретарю, и она все организует.

– Может у нее есть какие-то родственники и им нужно сообщить?

– Видите ли, я не знаю никого из ее родственников. Близких у нее никого не было, это точно, но вы не беспокойтесь, я все сделаю.

– И еще нужно решить, что будет с ребенком. Так он ваш? – Нет, – решительно ответил Стас. – Ребенок точно не мой.

– Странно, – после паузы сказал доктор, – она была твердо уверена, что он ваш. Иначе почему бы она так настаивала на

экспертизе?

Стас промолчал. Еще не хватало каждого посвящать в свою проблему.

– Ну, хорошо, – разочарованно сказал доктор. – Приезжайте, и мы с вами все решим. Меня зовут Чехов Юрий Николаевич, я заведующий отделением гинекологии и акушерства. И мой кабинет на втором этаже. Спросите, вам покажут. Так я вас жду.

Стас положил трубку и задумался. Как же так получилось, что эта девочка вдруг так глупо погибла. Ее жизнь закончилась, даже и, не успев начаться. А ведь так все хорошо начиналось. Если бы она не придумала себе эту беременность, она теперь бы была его женой, живой, здоровой и счастливой. Нет, его вины в ее смерти нет. Она сама все затеяла, надо же, какая ирония судьбы, именно в тот момент, когда он и так собирался на ней жениться. Да, он не любил ее, но чувствовал свою ответственность и хотел заботиться о ней, а она сама все испортила. Или просто у нее была такая судьба. Что ж он исполнит свой последний долг, похоронит ее рядом с ее родителями. И нечего рвать себе душу, решил он напоследок, у нее был ребенок от другого мужчины, и он не обязан был жениться на ней. Завтра он поедет в больницу и объяснит доктору, что они могут делать с этим ребенком все, что захотят. Он не его.

Стас нехотя вошел в здание больницы и стал подниматься по лестнице, заранее обдумывая, что он скажет доктору, если тот начнет опять приставать к нему с ребенком. Придется объяснить ему, почему этот ребенок не может быть его, в конце концов, он этого доктора больше никогда не увидит, так что страшного в этом ничего нет. А потом он уйдет отсюда, завтра похоронит Сашу и уедет отдыхать куда-нибудь подальше и забудет обо всех этих неприятностях.

– Простите, вы не скажете, где я могу увидеть доктора Чехова? – чувствуя себя идиотом, спросил он у молоденькой симпатичной медсестры, которая шла ему навстречу. Вчера он не обратил внимания на фамилию доктора, и только сейчас до него дошел юмор такого вопроса.

– Пойдемте, я вам покажу, – прощebetала та, и с готовностью поменяв направление, пошла рядом с интересом поглядывая на него.

– А вы к нему по делу? – продолжила щебетать девушка, демонстрируя явную готовность к диалогу.

– Просто к нему в основном женщины ходят, мужчины редко, – смущенно объяснила она, в ответ на его удивленный взгляд. – Или у вас здесь жена?

– Да, жена, – буркнул Стас, решив сразу пресечь всякие посягательства на него.

– А, – с явным разочарованием протянула девушка. – Вот его кабинет, он сейчас там.

– Спасибо, – все также недружелюбно сказал он, и девушка неохотно ушла в нужную ей сторону.

Ха, наверное, уже обдумывала, когда ей лучше объявить себя беременной, через месяц или через две недели, злорадно подумал Стас и постучал в дверь.

Услышав приглашение войти, он открыл дверь и, заранее нахмурившись, переступил порог. Доктор Чехов оказался сухощавым пожилым человеком, чем-то и вправду похожим на великого писателя, возможно, живыми умными глазами.

– Здравствуйте, я Станислав Мощенский, – прямо с порога объявил Стас, желая поскорее покончить с этим неприятным делом. – Мы вчера с вами говорили по телефону о...

– Да, да, – прервал его доктор, – я помню. Присаживайтесь.

Стас неохотно сел, ожидая, что доктор начнет сейчас уговаривать его. Но тот сидел, молча, разглядывая его.

Что ему надо, неприязненно подумал Стас и, чтобы прервать молчание, начал объяснять, что насчет похорон уже все договорено, и что Сашу завтра заберут.

– Да, с этим все понятно, – все, также внимательно глядя на него, сказал доктор. – А что вы решили с ребенком?

– Да я еще вчера вам сказал, что я решил. Ребенок не мой, – со злостью отчеканил Стас. – Я к этому ребенку не

могу иметь никакого отношения.

– Почему вы так в этом уверены? – спросил доктор.

– Ну, уверен и все, – грубо ответил Стас, чувствуя явное нежелание доверяться незнакомому человеку.

– Послушайте, – вздохнув, сказал доктор. – Я много раз на своем веку видел, людей, отказывавшихся от ребенка. И видел многих, которые благодарили меня за то, что я удержал их от этого. И еще я видел тех, кто прибегал сюда через несколько лет, умоляя меня помочь разыскать этого ребенка, но было уже поздно. Вы, может быть, не осознаете, но сейчас вы принимаете судьбоносное решение. Да, – остановил он саркастически усмехнувшегося Стаса. – Да, я не побоюсь именно такого высокопарного слова. Судьбоносное и, что самое главное, не только для девочки, но и для вас.

– Девочки? – недоуменно переспросил Стас, не сообразив сразу, о ком идет речь.

– Да, это девочка, хорошая, здоровая, симпатичная девочка. И она, между прочим, похожа на вас, и родилась большой, четыре двести, вся в папу. Вот я сейчас попрошу принести ее, и вы сами увидите, – прибавил он, и быстро, чтобы Стас не успел возразить, набрал несколько цифр на внутреннем телефоне и попросил какую-то неведомую Наташу принести девочку.

Видимо, они с Наташей подготовились, потому что той не потребовались никакие уточнения, и она сразу поняла, о какой девочке идет речь.

– Надеетесь, что когда я ее увижу, во мне заговорит голос крови и я воспылаю отцовскими чувствами? – не выдержав, саркастически спросил Стас?

– Нет, просто даю вам еще один шанс, – коротко ответил доктор и отвернулся от него, как будто ему было неприятно на него смотреть.

Через несколько минут в комнату вошла молодая высокая женщина в белом халате, на руках которой был сверток. С одной стороны свертка была темноволосая круглая головка. Малышка крепко спала, твердо сжав губки и сердито нахмурившись.

– Вот видите, – сказал доктор, – у нее даже лицо такое же сердитое, как у вас. Видно, чувствует, бедная, что никому не нужна.

При этих словах медсестра, державшая девочку на руках, тоже нахмурилась, сердито посмотрела на доктора и еще сильнее прижала девочку к себе.

– Ну, так как? – без всякой надежды в голосе, а просто, чтобы довести дело до конца, еще раз спросил доктор.

– Все также, – кратко ответил Стас и удивленно посмотрел на медсестру, державшую девочку. У той неожиданно стало такое счастливое лицо, что даже печальный доктор не выдержал и усмехнулся.

– Ну, хорошо, Наташа, можешь идти, – сказал он. – Мы тут должны еще уладить кое-какие формальности.

Наташа ушла, прижимая к себе девочку, а доктор в ответ

на удивленный взгляд Стаса объяснил.

– Наташа хочет забрать девочку себе. Она очень к ней привязалась, и я не сомневаюсь, что она будет любить ее и никогда не обидит.

– Ну, вот видите, – обрадовался Стас, которого явно расстроили слова доктора о том, что девочка чувствует, что никому не нужна. В конце концов, он тоже был не бессердечным монстром, а обычным человеком, который понимал, что жизнь ребенка в детском доме далеко не сахар. – Значит, все устроилось, у девочки будет семья. Вот только почему эта Наташа решила взять приемного ребенка? Она ведь еще молодая, ей, наверное, лет двадцать пять, у нее еще будет своя семья.

– Ей двадцать семь, и у нее была уже своя семья, – сухо сказал доктор, – но муж ушел от нее, потому что у нее не может быть детей. Вот видите, как все в жизни несправедливо. Наташа мечтала о ребенке, да бог не дал, а у вас есть, а вы не хотите.

– Да ничего у меня нет, – вдруг решился на откровенность Стас. Ему почему-то стало неприятно, что доктор считает его бессердечным. – У меня, к вашему сведению, тоже не может быть детей. Но я никогда никому не говорил об этом, вот женщины время от времени преподносят мне сюрпризы: беременеют неизвестно от кого, а мне объявляют, что это мой ребенок и я должен немедленно на них жениться. Видите ли, я достаточно богатый человек и скорее всего это их и вдох-

новляет на такие подвиги.

– Так вот в чем дело, – протянул доктор. – А я-то не мог понять, почему вы так уверены. Но, если это действительно так, почему вы не лечитесь? Во многих случаях бесплодие излечимо. Что у вас конкретно?

– Не имею понятия, – честно ответил Стас.

– Как это? – удивился доктор. – Вы даже не узнавали? Разве вам никогда не хотелось иметь ребенка?

– Ну, пока особой нужды в том не было, и я, в общем-то, и к врачам не обращался. Может быть потом, когда-нибудь, – неопределенно махнул рукой Стас, не желая признаваться, что его просто в жар бросало при одной мысли, что он должен будет кому-то подробно рассказывать о своей беде. О том, чтобы пойти к врачу женщине, не могло быть и речи. Она ведь могла оказаться молодой и симпатичной. Стас привык, что женщины смотрели на него с восхищением, а эта будет, небось, смотреть с жалостью. Нет, женщина отпадала. Но с мужчиной, скорее всего, будет еще хуже. Стас был уверен, что расспрашивая его с напускным сочувствием, врач на самом деле будет злорадно думать, что вот, ты, такой на вид большой, успешный и богатый, не можешь сделать даже самого поганенького ребенка, а вот я, пусть хилый и бедный, запросто строгаю их сколько угодно.

– Но, если вы ни разу не были у врача, откуда же вы знаете, что у вас не может быть детей? – снова удивился доктор.

– Да это произошло случайно, – Стас решил, что, если уж

начал, нужно рассказать все. – Я тогда был студентом, мне было девятнадцать лет. Нам с другом нужны были деньги, ну мы и решили подзаработать, сдать, ну... в общем, в банк спермы. Так вот, друга моего взяли, а мне сказали, – он замялся, – ну, в общем, сказали, что я стерильный. Вот так. Для меня это было таким шоком, что я даже ничего не стал спрашивать, просто повернулся и ушел. Вот с тех пор и знаю.

– Так, – подумав, сказал доктор. – Хотите послушать совет старого, умудренного опытом человека?

– Ну, предположим, – неохотно отозвался Стас.

– Ответьте мне откровенно. У вас есть основания думать, что Саша могла вам изменить с кем-нибудь для того, чтобы забеременеть? Понимаете, она ведь не могла забеременеть от случайного прохожего. Я наблюдал ее столько месяцев, разговаривал с ней. Не тот это был человек, чтобы запросто решиться на такое. У нее были друзья мужчины, которым она могла бы довериться по такому вопросу?

– Да в том-то и дело, что не было. Разве только в институте, но у них там на филфаке всего два парня были, да и то какие-то дефективные. Она без смеха и говорить о них не могла. А так она все время сидела дома, меня ждала.

– Ну, вот, видите, а теперь я хочу вам сказать, – голос доктора стал почти торжественным, – что кроме врачей есть еще и бог. И вполне возможно, что он дал вам шанс, а вы сейчас бездумно отвергаете его. Поверьте мне, недаром говорят, что раз в году и незаряженное ружье стреляет. Сделайте экс-

пертизу, чтобы потом не жалеть. Если она окажется не вашей дочерью, сможете дальше жить со спокойной душой.

– А почему вы так не хотите, чтобы ее забрала Наташа? Она вроде на вид добрая девушка и как будто бы любит ее. Или на самом деле это не так?

– Да все так, Наташа будет прекрасной матерью, но у нее тяжелые обстоятельства. С мужем она развелась, а к родителям возвращаться ей некуда, там уже сестра замуж вышла и двух детей родила. Она снимает квартиру пополам еще с одной девушкой и живет на зарплату медсестры, вы себе представляете эту зарплату? А если она возьмет девочку и не сможет работать, на что они будут жить?

– Но я им, конечно, буду помогать. В конце концов, Саша мне ведь не чужая была, какие-то обязательства у меня перед ней есть. Да и потом у нее осталась прекрасная квартира, и деньги у нее тоже были от дедушки с бабушкой. Правда, может они все ушли, когда она сама жила, но я возьму все материальные расходы на себя, это понятно.

– Ну, слава богу, – вздохнул с облегчением доктор. – Теперь насчет экспертизы, вы ведь сделаете ее?

– Ну, хорошо, я согласен, хотя надежды мало. А как ее делают, между прочим? Я никогда этим не интересовался. Насколько я слышал, это довольно долгий и сложный процесс.

– Это раньше так было, сейчас это проще простого. В Москве полно лабораторий, которые этим занимаются. Экспертизу можно делать и по анализу крови и по мазкам из

полости рта, если вы боитесь сдавать кровь. Ответа нужно ждать от трех до шести дней. Стоит приблизительно двенадцать тысяч рублей. Для вас это не деньги, так?

– Не деньги, – подтвердил Стас. – А насчет экспертизы, так я считаю, мне лучше сдать кровь, так будет точнее, а вы как думаете?

– Да это все равно, это неважно, кровь так кровь. У нас как раз есть образец крови девочки, – заторопился он. – Мы брали ее сегодня на анализ, чтобы определить группу. У нее, кстати, третья группа, резус положительный, а у вас?

– Третья положительная, – растеряно сказал Стас. – Но я думаю, что это самая распространенная группа, так что это еще ни о чем не говорит.

– Ну, вообще-то, вы правы, но с другой стороны, это хотя бы говорит о том, что проверить стоит. Сейчас я вам принесу ее кровь, дам адрес и поезжайте прямо в лабораторию.

По дороге Стас пытался разобраться в охвативших его противоречивых чувствах: хочет он или не хочет, чтобы девочка оказалась его. С одной стороны, что бы он стал с ней делать, искусство рашения младенцев было ему неизвестно, да и жизнь его была неприспособленна для отцовских забот. Но с другой стороны, когда он думал, что у него, возможно, есть дочь, и он отец, его охватывало непонятное, радостное волнение. И это было странно, потому что до этого дня он никогда и не думал о ребенке.

В лаборатории он быстро сдал кровь, расплатился и, до-

говорившись, что ответ будет через три дня, поехал домой. Уже подъезжая, он вдруг вспомнил, что в детективных фильмах, которые он иногда смотрел по телевизору, с помощью компьютера мгновенно определяли, совпадает ли ДНК и, наверное, если бы он догадался заплатить за срочность, ему бы тоже дали ответ сразу. В первую минуту он даже решил вернуться, но потом вдруг подумал, что не стоит торопить события, пусть все идет, как идет, так, наверное, будет лучше. Для чего и для кого лучше, он и сам не понимал, но решил подождать эти несколько дней, чтобы окончательно разобраться в себе самом и в своих желаниях.

Дома он поел и решил заняться делами, но не смог сосредоточиться. На сердце тяжким грузом лежали завтрашние похороны. Никакой своей вины он уже не признавал, но все равно похороны, это всегда неприятно. Неизвестно зачем он отправился бродить по дому и вдруг неожиданно даже как-то автоматически подумал, что девочке нужно будет отдать угловую комнату на втором этаже, потому что она самая большая и светлая и там большой балкон. Хотя, наверное, балкон для ребенка – это небезопасно, мелькнуло у него в голове.

Тьфу ты, одернул он сам себя через минуту, вновь начав мыслить реально, да не твой она ребенок, что ты с ума сходишь. И вообще она не нужна тебе, что ты будешь с ней делать. Хоть бы парень был, так еще стоило бы пожалеть о нем, а девчонка, зачем она нужна. После этой мысли он успоко-

ился и решил, чтобы отвлечься, провести вечер в ресторане. Его последняя подруга, Моника, как она себя называла, хотя это вряд ли было ее настоящее имя, была только рада, когда он позвонил ей и сказал, что заедет. Еще бы, вдруг с неприязнью подумал он, уж этой кроме ресторана ничего и не надо, ну разве только еще его деньги.

В ресторане отвлечься ему не удалось. Обычно ему было приятно, что мужчины обращают внимание на его женщин и завидуют ему, но сегодня ему было на это наплевать, а кокетливая красавица Моника только раздражала и действовала на нервы.

Ночью он плохо спал и встал с головной болью и с единственным желанием как можно скорее покончить с похоронами. Слава богу, там все прошло тихо и пристойно. Народу было довольно много, в основном за счет Сашиных однокурсников, несколько человек выступили с речами, сказали все, что положено, так что все прошло прилично, разве только что возле могилы не было никого убитого горем, но что тут можно было поделаться. Зато поминки были заказаны в хорошем дорогом кафе, что всем очень понравилось. Стас постарался уехать так скоро, как только позволяли приличия. Настроение у него было отвратительное, он проклинал себя за то, что не договорился получить ответ на экспертизу сразу же, но почему-то не решался поехать и сделать это сейчас, отговариваясь тем, что должен все-таки разобраться, хочет он этого ребенка или нет, как будто это могло повлиять на

исход дела. Целый день он думал об этом, а к вечеру окончательно решил, что мальчика он бы все-таки хотел, а вот девочка ему не нужна.

С этим решением он прожил последующие два дня, запрещая себе думать о ребенке, но в последнюю третью ночь ему вдруг приснился сон. Он держал на руках маленькую четырехмесячную девочку. То, что она была четырехмесячной он знал точно. Прошлым летом он навещал свою двоюродную сестру, и она давала ему подержать свою четырехмесячную дочку. Тогда он подержал ребенка из вежливости и с радостью вернул ее матери. Но эта девочка была его, и это было совсем другое ощущение. Она прижималась к его лицу нежной щечкой и обнимала за шею мягкими ручками, и его всего наполняло такое теплое и сладостное чувство, которое он еще не испытывал ни разу в жизни, и какого не могли дать даже объятия самой красивой женщины.

Какой же я дурак, подумал он во сне, нежно прижимая к себе дочку. Зачем мне обязательно нужен был мальчик? Какая разница мальчик или девочка, главное, это мой ребенок.

И вдруг малышка стала как бы таять у него в руках. Он отчаянно пытался ее удержать, но не мог ничего сделать и вдруг проснулся посреди ночи с чувством непоправимой потери и такого горя, что у него заболело сердце.

Так вот, что это такое любовь к своему ребенку, потрясенно подумал он. Что же мне делать, если она окажется не моей? Я мог бы удочерить ее, но ведь я всегда буду помнить,

что она не моя, и я не смогу так любить ее. Господи, начал молиться он, сделай так, чтобы это была моя дочка. Я стану другим человеком, я буду помогать бедным людям, я буду жертвовать деньги на храмы, я сделаю фонд, да, я сделаю благотворительный фонд для детей сирот, только сделай, чтобы это был мой ребенок.

Постепенно сон стал ускользать от него, и он немного успокоился и уснул, но утром все равно проснулся с раной в сердце и с ощущением пустоты. Впереди была еще вся жизнь и не было в ней и быть не могло никакого смысла. Он решил поехать в лабораторию как можно раньше, чтобы покончить со всем этим. По дороге он вдруг вспомнил соседку по площадке в доме своих родителей. У нее рождались только мальчики, а она так хотела девочку, что рожала еще и еще. Однажды они с матерью встретили ее на лестнице. Она несла очередной спеленатый сверток, где виднелось маленькое личико.

– Ну что, девочка на этот раз? – с надеждой спросила ее его мать.

– Разве ж нам Бог даст девочку, – печально ответила та, крепче прижала к себе ребенка и, вздохнув, пошла дальше.

Вот именно, разве ж нам Бог даст девочку, горько подумал Стас о себе. Не даст, конечно, и мальчика тоже не даст. Никого не даст. А почему, спрашивается? Наверное, в прошлой жизни я был большой грешник, решил он. Может даже убил

своего ребенка и теперь за это должен понести наказание.

В только что открывшейся лаборатории заспанная девушка долго перебирала заклеенные конверты, пока, наконец, нашла его. С дрогнувшим сердцем Стас взял свой конверт и несколько минут простоял, не решаясь открыть. Потом решительно надорвал одну сторону, вытащил сложенную тонкую бумагу, развернул и быстро посмотрел на текст. «Совпадение 99.9 %» бросилось ему в глаза, и он не веря, что это ему не показалось, прочитал это вслух.

– Ну да, – сказала ему девушка-секретарь. – Так всегда пишут. Если несовпадение, то пишут 100 %, а если совпадение, 99.9 %. Так просто принято.

Положив дрожащими руками бумагу опять в конверт и, все еще ничего не ощущая, Стас вышел на улицу. Это моя дочь, у меня есть дочь, вслух сказал он сам себе и только теперь почувствовал, как его заливают огромная, ни с чем не сравнимая радость. Он – отец ребенка. Он больше никогда не будет чувствовать себя ущемленным, потому что у него теперь тоже есть ребенок. Его собственный. Только подумать, если бы доктор не настоял на экспертизе, он бы собственными руками отдал бы свою дочку чужим людям. Господи, спасибо ему. Действительно он говорил правду, когда рассказывал о людях, благодарных ему, за то, что они не лишились ребенка. И вдруг страшная мысль пришла ему в голову. Он ведь три дня не звонил и не приезжал в клинику. Они же могли подумать, что он удрал и вообще больше не придет.

Может быть, Наташа уже забрала девочку и уехала куда-нибудь, и он никогда не найдет ее. Подгоняемый страхом, он бегом бросился к машине и, проклиная пробки и светофоры, помчался в роддом. Кое-как втиснув машину на стоянку, он выскочил из нее и, забежав в здание, ринулся по лестнице вверх. Вот и знакомый кабинет. Мгновенно постучав для приличия, он рванул дверь и чуть не застонал от разочарования. Она была закрыта. Доктора не было. Именно сейчас, когда ему так срочно нужно было его увидеть, того не было на месте. Он быстро пошел по коридору, надеясь увидеть кого-нибудь из персонала и спросить, где доктор. Наконец, вдалеке он увидел какую-то женщину в белом халате и со всех ног бросился к ней.

– Где Юрий Николаевич? – закричал он, даже не успев подойти к ней. – Его что, сегодня нет на работе?

– Тише, молодой человек, – неприятно отозвалась. – Что вы так кричите? У нас лечебное учреждение, а не базар.

– Да, я знаю, извините, простите, – торопливо сказал он. – Но он мне срочно нужен. Он здесь?

– Он на родах, у нас сложный случай, так что вам придется подождать.

– Долго? Сколько он там будет?

– Столько, сколько потребуется, – все также сурово ответила она. Но увидев на его лице отчаяние, смягчилась.

– Я сейчас иду туда и передам ему, что его ждут. Он придет, как только сможет. Нет, вам в тот корпус идти нельзя.

Посидите возле его кабинета. Я скажу ему, что он нужен срочно.

И она все также неторопливо двинулась дальше, а он побрел назад к кабинету доктора в тревоге и нетерпении. Возле кабинета он сел, но тут же вскочил и стал шагать по коридору.

Что же делать, билось у него в голове. Доктор может не прийти еще долго, а я должен немедленно знать, где мой ребенок. Может быть, попробовать найти Наташу? Он посмотрел по сторонам. Кто его знает, где она, да и не пустят его туда, там ведь новорожденные дети. И он снова и снова шагнул по коридору до окна и обратно, ощущая на себе недоуменные взгляды проходивших мимо и сидящих в очереди у кабинетов женщин.

Ему показалось, что он прождал не меньше часа, но судя по часам, доктор пришел через пятнадцать минут.

– Здравствуйте, – кинулся он к нему, стараясь вести себя адекватно и выглядеть нормальным человеком, так как ему вдруг пришло в голову, что если он будет слишком бурно выражать свои чувства, его могут посчитать буйным и не отдадут девочку.

– Здравствуйте, – как-то настороженно ответил ему доктор, и, не давая ничего сказать, добавил. – Давайте пройдем в мой кабинет.

Он послушно последовал за доктором, не понимая причины такого холодного приема и с замиранием сердца вооб-

ражая, что что-то случилось с ЕГО ребенком.

– Так я вас слушаю, – все таким же почти враждебным тоном продолжил тот.

– Вот, – не зная, как сообщить свою новость, сказал Стас, трясущимися руками вытащил бумагу из конверта и протянул ему.

Доктор осторожно взял бумагу, помедлил какое-то время, потом развернул и прочитал

– Ну и что вы решили? – холодно спросил он.

– Как, что решил, – почти закричал Стас, – вы что, не видите? Это же мой ребенок, моя дочь. Я немедленно забираю ее домой.

И только после этих слов доктор расслабился.

– Ну, слава богу, – с видимым облегчением сказал он. – Значит, девочка все-таки ваша. Ну, поздравляю вас с дочерью, – заулыбался он.

– Спасибо, и вообще спасибо вам доктор. Если бы не вы я бы так никогда и не узнал, что это мой ребенок и сам своими руками отдал бы ее. Я вам так благодарен.

– Ну и, слава богу. А то уперлись, не моя и все. В жизни всякое случается. Ну, хорошо, так что сейчас вы намерены делать?

– Забрать ее домой, и чем скорее, тем лучше.

– Ну, сразу забрать вы ее не можете, мы должны подготовить ее и бумаги. И вам тоже ведь нужно подготовиться.

– В каком смысле?

– Да ведь вам ее же кормить надо, переодевать, купать, спать укладывать куда-нибудь, в конце концов. У вас дома что-то для ребенка есть?

– Нет, конечно, откуда.

– Ну, так это все нужно купить, кроватку, коляску, ванночку, пеленальный столик... Да не пугайтесь вы так. Мы вам все подсказем. Я сейчас вызову Наташу, и она вам продиктует весь список.

– Ох, – спохватился Стас. – Я и забыл о ней. А она ведь, бедная, расстроится.

– Вот об этом я и хотел с вами поговорить, – вдруг снова став серьезным сказал доктор. – Вы понимаете, что вам нужна няня? Вы же не сможете сами смотреть за ребенком. У вас есть кто-нибудь на примете?

– Да откуда же? – приуныл Стас. – Я всегда был так далек от этого. Но я поспрашиваю знакомых, может кто-нибудь что-то присоветует.

– Так как у девочки нет матери, ей нужна особенная няня, такая, чтобы по мере сил могла заменить ей ее. И Наташа как раз такой человек. Она любит Сашеньку...

– Сашеньку? – удивился Стас.

– Ну, это Наташа так ее назвала. Она считает, что девочка должна носить имя матери, так как та умерла, рожая ее... Но вы, конечно, совсем не обязаны так ее называть. Дадите ей имя, какое захотите.

– Нет, я согласен с Наташей, она правильно решила, пусть

будет Сашенькой.

– Ну, так вот, значит, Наташа любит ее как родную дочь, кроме того, что очень важно, она детская медсестра, то есть, у нее специальное образование, опыт, и вообще она хороший человек. Я считаю, что лучше нее вам никого не найти.

– Да я согласен, это и для меня лучший выход. А только она разве согласится на это? У нее ведь здесь работа и вообще, она, наверное, меня возненавидит за то, что я забираю у нее Сашеньку.

– Возненавидит обязательно, но ей придется с этим примириться, вы ведь забираете своего родного ребенка, что же с этим поделаешь. А насчет того, согласится ли она, я уверен, что ради того, чтобы не расставаться с Сашенькой, она пойдет на все. Она же понимает, что раз у девочки нет матери, она все равно будет для нее ею, даже если останется просто няней. Думаете, ей легко будет представлять, что она отдаст свою почти дочку в чужие равнодушные руки. Кроме того... – доктор замаялся, но тут же продолжил, – вы ведь богатый человек, я не ошибаюсь?

– Достаточно богатый, – согласился Стас, все еще не понимая, к чему клонит доктор.

– Ну, так вот, мы ведь городская больница, а не частная, так что у нас здесь ставки по минимуму. Сколько вы думаете Наташа здесь получает? Десять тысяч, что это по нынешним временам? Вы вполне можете предложить ей гораздо больше, тысяч 15–16, например.

– Да я могу дать ей и двадцать, главное, чтобы она согласилась. Помогите мне уговорить ее. Я ведь действительно могу ей со спокойной душой доверить дочку, как вы считаете?

– Наташа прекрасный человек, добрая, честная, порядочная, а кроме того она же любит малышку. Если она будет смотреть за ребенком, вы можете спокойно даже уезжать, если вам понадобится. Она не только ее никогда не обидит, а еще и любому горло перегрызет за нее. Это для вас и для малышки самый лучший вариант.

– Ну, так помогите мне уговорить ее, доктор, пожалуйста. Пусть сама назовет зарплату, я соглашусь на все, – заволновался Стас.

– Да не будет она с вами говорить о зарплате, – засмеялся доктор, – не такой она человек, для нее Сашенька главное. Это я за нее волнуюсь. В конце концов, Саша ведь вырастет, или вы женитесь, и Наташе придется уйти. Должна же она скопить какие-то деньги для себя на старость. Да, кстати, она ведь будет у вас жить, а у вас место в квартире есть? Сколько у вас комнат?

– Доктор, да мы же с вами уже выяснили, что я богатый человек. У меня трехэтажный дом за городом.

– Ну, тогда все складывается замечательно. Сейчас я позову Наташу, и мы с вами начнем ее уговаривать.

Доктор довольно потер руки, подошел к телефону и... нерешительно остановился.

– Ну, доктор, давайте же, – подбодрил его Стас.

– М-да, бедная Наташа, – вздохнув, пробормотал доктор и набрал номер.

– Э... Наташа, зайдите ко мне сейчас, пожалуйста, – сладким голосом сказал он, и положил трубку. Повернувшись к Стасу, он развел руками и снова тяжело вздохнул. Стас понимал его. Ведь это он настоял, чтобы Стас сделал экспертизу, и вот теперь он забирает девочку, а Наташа уже считала ее своей. Теперь после той ночи, когда он во сне лишился ребенка, Стас начал понимать какво это, и сам сочувствовал бедной женщине, но ведь дочка-то его, и он тоже любит ее.

Наташа еще с порога увидела, что Стас в кабинете у доктора и на лице у нее появилось неприязненное, даже враждебное выражение. Холодно кивнув ему, она повернулась к доктору и выжидательно посмотрела на него.

– Э... понимаете, Наташа, – начал доктор, – дело в том, что Станислав Михайлович сделал генетическую экспертизу и...

– И что? – не выдержала она. – Это ведь не его ребенок? Он был прав?

– Да нет, как раз его, – виновато вздохнул доктор. – Тут ничего не поделаешь, экспертиза это подтвердила.

Наташа так побледнела, что Стас даже испугался, что ей станет плохо. Он невольно бросился к ней, чтобы поддержать, но она отмахнулась от его помощи и напряженно глядя ему в лицо спросила прерывающимся голосом

– Ну и что вы решили?

– Я забираю ее, Наташа, я забираю ее домой, – тихо, но

твердо сказал Стас.

– Но как же так? Юрий Николаевич, как вы можете отдавать ее ему? – накинулась она на доктора. – Он же сам говорил, что она не нужна ему.

– Я говорил так, потому что думал, что она не моя, – вмешался Стас. – Но теперь, когда я знаю, что она моя дочка, я люблю ее.

– Неправда, – почти выкрикнула Наташа. – Вы не можете вдруг ни с того ни с сего полюбить ее. Кроме того, она же совсем крошка, что вы будете с ней делать? Разве вы когда-нибудь ухаживали за новорожденным ребенком? Вы загубите ее. Юрий Николаевич, он погубит девочку, вы не можете отдать ее на погибель.

– Наташа, успокойся, ну что ты такое говоришь. Он совсем никакой не злодей, а нормальный порядочный человек и собирается растить ее. Кроме того, это его право воспитывать своего ребенка, и мы ничего не можем здесь сделать.

Из ее глаз полились слезы, и она в отчаянии закрыла лицо руками. У Стаса от жалости к ней защемило сердце.

– Наташа, послушайте, я вас понимаю, – начал он, но она гневно прервала его.

– Ничего вы не понимаете, вы не можете меня понять. Вы забираете ее просто из прихоти, но растить ребенка, это тяжелый труд, это нужно ночами не спать, кормить ее, купать, она скоро надоест вам, что тогда с ней будет? И потом вы ведь женитесь, у вас с женой будут другие дети, ваша жена

не будет любить ее.

Ее гневный голос вдруг пресекся. Она схватила его за руку и умоляюще сказала

– Отдайте ее мне, она для меня единственная, она все, что у меня есть.

И тогда он вдруг неожиданно для себя сказал.

– Вы не дали мне сказать, Наташа. Она тоже для меня единственная. Если вы помните, то я здесь при вас сказал, что она не может быть моей. Это потому, что мне еще в молодости врачи сказали, что у меня не может быть детей. Я все это время жил с этой раной в сердце, и вдруг случилось такое чудо: она оказалась моей. Понимаете, она оказалась моим ребенком, – задыхаясь от волнения, сказал он. – Она моя дочь, это... это же, – он остановился, не в силах подыскать слова, – это просто подарок мне от бога. Я не знаю, можете ли вы меня понять, но...

– Я могу вас понять, – тихо и безнадежно сказала она. – Я, как никто, могу вас понять, потому что бог обидел меня. У меня никогда не будет ребенка.

– Я знаю, каково вам, – сочувственно сказал он.

Не в силах стоять на ногах, она села и минут пять просидела, молча, пытаясь взять себя в руки, а они с доктором стояли возле нее, понимая, что ничем не могут ей помочь. Наконец, ей удалось справиться с собой, она встала и, не глядя на него, сказала.

– Ладно, простите меня. Я ведь не знала, что у вас так. Я

просто уже считала ее своей дочкой, а теперь теряю ее. Это так тяжело, так тяжело.

– Я знаю, – тихо сказал Стас. – Мне ночью приснилось, что я потерял Сашеньку. Я проснулся с такой раной в сердце, что... – он не договорил, и, махнув рукой, отвернулся, так как глаза у него вдруг неожиданно для него самого наполнились слезами.

– Сашенька, – горько сказала Наташа. – Вы тоже хотите назвать ее Сашенькой?

– Это Юрий Николаевич мне сказал, что вы так называли ее. Я считаю, что это правильно, пусть будет Сашенькой.

– Да, Сашенькой, – снова повторила она, – только не моей.

– Наташа, – Стас решил, что сейчас самый момент поговорить с Наташей. – Вам совсем не нужно разлучаться с малышкой, в смысле, если вы согласитесь, вам не придется расставаться с ней.

– Что вы имеете в виду? Я не понимаю. Вы ведь забираете ее.

– Да, но мы с дочкой в очень непростой ситуации. У нее ведь нет мамы, и ей очень нужен кто-нибудь, кто мог бы заменить ее, – повторил он слова доктора. – Вы бы не согласились пойти к нам жить и растить ее? Я ведь должен работать и, кроме того, вы же сами понимаете, что я ничего не знаю о маленьких детях. Конечно, я буду помогать вам, я собираюсь каждую свободную минуту проводить с ней, воспитывать ее, но... я же не знаю, что и как делать. Она мне очень дорога,

и я не могу довериться ее незнакомому человеку, а вы любите ее, вам я доверяю, тем более что у вас опыт обращения с детьми, а это очень важно.

– Но как же так, – Наташа растерянно посмотрела на него. – Я же не могу вдруг взять и бросить работу...

– Почему не можете? Я вас оформлю официально, вам будет идти стаж, а зарплату я буду вам платить в два раза большую, чем вы здесь получаете.

– Но ведь я ничего не знаю о вас, как я могу так сразу решить.

– Ну вот, ничего обо мне не знаете, а ведь я забираю Сашу. И вы готовы мне ее отдать и никогда больше не видеть и даже не знать, как ей живется? Вы же говорили, что любите ее.

Наташа вспыхнула.

– Да, я люблю ее, а отдаю, потому что вынуждена это сделать, и меня никто не спрашивает.

– Так и не расставайтесь с ней. Берите ее и поедem домой. У меня, между прочим, большой дом, вы с Сашенькой возьмете две смежные комнаты, так что у вас будет своя комната, и то же время вы будете рядом с ней. Ну как, а?

Наташа растерянно выслушала его сбивчивую речь, и сама не зная, на что решиться, повернулась к доктору и беспомощно посмотрела на него.

– Наташа, – мягко сказал тот. – Ты разве хочешь отдать девочку неизвестно в какие руки, правда, ведь нет?

Она отрицательно покачала головой и закусила губу, бо-

ьясь снова расплакаться.

– Ну, так соглашайся. Если ты передумаешь и захочешь вернуться, я тебя всегда возьму назад, можешь не сомневаться.

Наташа еще с минуту поколебалась, но потом повернулась к Стасу и, вздохнув, сказала

– Я согласна. В конце концов, я ведь действительно не могу просто так отдать ее. Я должна присмотреть за ней.

– Ну, так походи, переоденься, – сказал доктор, – и поезжай со Станиславом Михайловичем. Ему нужно все купить для девочки, чтобы можно было ее забрать. Она и так уже слишком загостилась у нас, ей уже положено жить дома.

– А как же вы тут без меня останетесь? –

– Ничего, мы справимся, – потрепал ее по плечу доктор и тихонько шепнул, подталкивая к двери – Давай, Наташа, поезжай, мне и самому будет спокойнее, если я буду знать, что девочка при тебе. Посмотришь там, что он за человек, а если что, бери ребенка и давай к нам.

– Ага, – с посветлевшим лицом кивнула Наташа и почти выбежала из кабинета.

Доктор задумчиво посмотрел ей вслед, потом повернулся к Стасу и вдруг неожиданно строгим голосом спросил:

– Станислав Михайлович, скажите, вы ведь порядочный человек?

– Я думаю... да, – растерялся Стас. – А что вы, собственно говоря, имеете в виду?

– Я имею в виду, что вот я посылаю к вам Наташу, она будет жить в вашем доме. А вот вы порядочный человек в отношениях с женщинами?

– То есть вы имеете в виду, не стану ли я приставать к ней? – сдерживая смех, спросил Стас.

– Ну, в общем-то, я это и имею в виду, – смущенно сказал доктор. – Я ведь в какой-то мере ответственен за нее, раз я все это затеял.

– Да бог с вами, Юрий Николаевич, – засмеялся Стас. – Я что, похож на сексуального маньяка?

– Ну, знаете, – насупился доктор, – одинокую женщину по разному обидеть можно. Не обязательно быть при этом маньяком.

– Дорогой Юрий Николаевич, – проникновенным голосом сказал Стас, прижимая руку к сердцу. – Клянусь вам, что единственное, что мне нужно от Наташи, это чтобы она любила Сашеньку и хорошо смотрела за ней. А я обязуюсь относиться к ней со всем должным уважением и общаться только как с няней моего ребенка.

Хотите, могу в этом вам поклясться.

– Ладно, уж, – смущенно махнул рукой доктор. – Это я так, на всякий случай. Я и сам понимаю, что она для вас неподходящий объект для ухаживаний. Вы вон красавец-мужчина, богач, за вами, наверно, полно красоток бегает. А Наташа, что ж, если приглядеться, то видно, что у нее лицо хорошее, и рост, и фигура, все есть. Но сейчас другие

каноны, скажем так. А она и косметикой не пользуется и нарядов особых у нее нет, где ж их взять на зарплату медсестры-то? Но так даже и лучше, я за нее буду спокоен.

– Да вы в любом случае можете быть за нее спокойны. У меня в доме еще живут две горничные, экономка и кухарка, тоже нестарые, между прочим. И я их абсолютно не трогаю, поверьте.

– Да верю, верю я вам, – совсем смутился доктор, – просто я Наташу давно знаю. Она необыкновенно хороший человек, а вот так не повезло ей в жизни.

Он замолчал, так как в кабинет вошла с пальто в руках Наташа, и Стас под влиянием слов доктора впервые пригляделся к ней. Она была высокая, не полная и не худая, а такая, о каких в старину говорили «статная». У нее были хорошие черты лица, но нигде не было видно не только ни капли косметики, но и никакой попытки приукрасить себя. Она была, по-видимому, натуральной блондинкой, так как возле корней волос не было темной полосы, но свои длинные волосы туго стягивала и закалывала на затылке старомодным узлом. Одета она была чисто и аккуратно, но ее вязаная шерстяная кофточка была темно-серого цвета, и похожа на те, которые носила бабушка Стаса, и черные брюки тоже были расклешенные, каких уже давно никто не носил.

– Я готова, – объявила она, и, натянув на голову простую вязаную шапочку, надела какое-то совершенно немодное такое же простенькое клетчатое пальто с меховым воротником.

Надо же, совсем без зеркала, машинально отметил про себя Стас, который привык к шикарно выглядящим женщинам, не делающим и шага без консультации с зеркалами во весь рост.

– Ну что, идем? – весело спросила она, совершенно не догадываясь о его мыслях. Видно, за это время она обдумала ситуацию и поняла, что у нее все-таки появился шанс воспитать ребенка, пусть и не своего, но очень нуждающегося в ней.

– Да, конечно, – встряхнулся от своих мыслей Стас. – Мы сейчас все купим, и можно будет ее забрать?

– Вам еще надо будет дождаться, пока это все привезут и соберут, – засмеялся доктор.

– Да, а еще надо будет комнату хорошо вымыть, – прибавила Наташа, – это ведь все-таки новорожденный ребенок, должна быть идеальная чистота. И еще ей надо купить сосочки, бутылочки, подгузники, одежду...

– Все понял, пошли, – так же весело отозвался Стас, – вы будете командовать, а я буду платить.

– Одну минуту, – вдруг спохватился доктор, – Наташа, а ты сказала Зое Федоровне, чтобы она график поменяла? Тебя ведь теперь не будет.

– Ой, да, конечно, мне нужно ей сказать, я и забыла об этом. Я сейчас, – обратилась она к Стасу и снова выбежала из кабинета.

– Слушайте, она ведь молодая, чего ж она так с собой по-

ступает? – не выдержав, спросил Стас у доктора.

– Что вы имеете в виду? – удивился тот.

– Ну, не красится, прическу такую носит, и вещи, скажем, не очень модные, – осторожно сказал Стас, испугавшись, что доктор может обидеться за нее.

Тот действительно насупился и неохотно сказал:

– Ну, я же вам говорил, какая у нее зарплата, попробуй на такую прожить, да еще и одеться. А, кроме того, здесь еще и психология.

– Какая психология?

– Ну, комплексы. Она ведь раньше подкрашивалась и старалась хоть что-нибудь посимпатичнее купить, а вот как узнала, что у нее не может быть детей, и муж от нее ушел, она не просто махнула на себя рукой, а как бы еще и наказывает себя за то, что она такая неудачная, что ли. Муж у нее был неплохой, непьющий. Они хорошо жили, она, правда, переживала из-за ребенка, а он вроде и ничего, наоборот, все успокаивал ее. А потом вдруг прижил ребенка на стороне и сказал ей об этом. Она его сама и отпустила, как же ребенок без отца, а она ущербная, и, конечно же, недостойна, быть женой. Ну, с тех пор и пошло. Ладно, – он махнул рукой, – я думаю, она со временем придет в себя, тем более что теперь у нее зарплата будет большая, и за квартиру ей платить не нужно будет. Вы только не обижайте ее, она редкий человек.

– Да чего ж мне ее обижать? – удивился Стас. – Мне ведь самому нужно, чтобы она с Сашенькой была, так что я боль-

ше всех в ней заинтересован.

На столе у доктора зазвонил телефон. Это была Наташа, которая сообщила, что ждет внизу, и Стас, попрощавшись с Юрием Николаевичем, пошел к лестнице, довольный, что, наконец, сможет уже начать что-то делать для своей дочки.

* * *

Сашенька лежала в своей новой кроватке, а Стас стоял рядом и, затаив дыхание смотрел на нее. Вчера целый день они с Наташей провели в беготне по магазинам, выбирая для нее мебель и вещи. Девочка была такой маленькой, но вдруг оказалось, что для ее экипировки, нужно было приложить не меньше усилий, чем для сбора приданого какой-нибудь невесты. Сначала они поехали покупать мебель и коляску. Оказалось, что у ребенка должен быть свой отдельный шкаф для одежды и комод для постельного белья. Потом Наташа очень придирчиво выбирала кроватку. Действительно, даже на неискушенный вкус Стаса большинство детских кроваток больше напоминали клетки, возможно, из-за высоких решеток. Они отвергли с десятков кроваток, пока, наконец, в одном магазине не увидели прехорошенькую белую кроватку с медвежатами на бортиках. Вначале, когда Наташа смотрела на цены, у нее на лице появлялось испуганное выражение, но после того, как Стас полушутя-полусерьезно объявил, что у его дочки все должно быть самым лучшим, она стала со спо-

койной душой выбирать для Сашеньки дорогие и красивые вещи. Дом Стаса она также очень требовательно осмотрела, но все-таки остановилась на той же угловой комнате, которую выбрал и Стас. Через эту комнату можно было пройти в еще одну, небольшую, которая могла служить ей спальней, хотя она объявила, что такой маленький ребенок не может спать один, и она, по крайней мере, первые несколько месяцев будет спать рядом с Сашенькиной кроватью. Несмотря на это, они все-таки купили еще и радионяню, а затем и видео. Уже совсем уставшие и обалдевшие от всего увиденного, они накупили еще и ворох детской одежды, и кучу бутылочек, стерилизаторов, игрушек и наклеек на стены. Стас послушно за все платил, удивляясь про себя, как же могут себе позволить иметь детей люди, менее богатые, чем он. Вечером Наташа вместе с одной из горничных вымыла до полной стерильности Сашенькину комнату, а потом до поздней ночи вся женская прислуга дома, включая и кухарку, занималась тем, что в меру своего вкуса и художественных способностей украшала стены, наклеивая цветные фигурки животных и развешивая воздушные шары и игрушки. Оказалось, что маленький ребенок – это то, что волнует всех женщин любого возраста, и, позабыв все свои разногласия и ссоры, они потом еще долго сидели все в кухне, горячо обсуждая, что еще можно сделать для маленькой сиротки, которая хоть и была дочерью богатого человека, но все равно нуждалась в жалости, так как у нее не было матери.

Утром, когда Стас и Наташа поехали за девочкой, их проводили таким количеством напутствий, советов и добрых пожеланий, что их бы хватило на целую детсадовскую группу детей. Стас сел в машину, удивляясь самому себе. Обычно он был вежлив с прислугой, но ограничивался только распоряжениями по дому и уж, конечно, никогда не обсуждал свои личные дела. Он был уверен, что и они относятся к нему достаточно равнодушно, и вдруг такой взрыв эмоций. Он даже не знал, как ему реагировать на это, умиляться или поставить всех на место, но потом решил, что для малышки будет лучше, если в доме будет царить дружелюбная атмосфера. И тут он вспомнил, что сейчас впервые возьмет на руки свою родную дочку, и его мысли переключились на девочку. Как ее воспитывать, как ее нянчить, ничего он не знал и не умел, единственная надежда была на Наташу. Конечно, нужно будет позвонить родителям, рассказать им о дочке, но они живут далеко, в Новосибирске. Там у них своя жизнь, любимая и престижная работа в университете, свой круг друзей, так что на них рассчитывать не приходилось. Но Стас твердо решил, что, так как дочка у него, по-видимому, будет единственным ребенком, он будет учиться у Наташи и принимать самое непосредственное участие в ее воспитании.

Когда после долгого, как ему показалось, ожидания в кабинете Юрия Николаевича, он, наконец, увидел Наташу с девочкой на руках, его словно сорвала с места какая-то невидимая сила. Он подскочил к ним и неумело подставил ру-

ки, так как почувствовал, что должен немедленно взять свою дочку и прижать ее к себе. Он как будто бы испугался, что она вдруг откроет глазки и первым увидит не его. Конечно, это был не утенок, который считает своей мамой первое увиденное им существо, а девочка, но все равно он хотел, чтобы она его увидела, так как все еще помнил слова доктора о том, что малышка чувствует, что она никому не нужна. Так вот, пусть она посмотрит на своего папу, который ее очень любит, и которому она очень даже нужна. Наташа объяснила ему, как нужно согнуть руки и осторожно вложила в них тугой сверток. Даже сквозь одеяльце Стас почувствовал, что держит не просто какой-то груз, а живое существо. Он осторожно прижал девочку к себе, мысленно уговаривая ее открыть глаза. Но Сашенька продолжала безмятежно спать, даже не догадываясь о его мыслях. Он наклонил к ней голову, стараясь уловить ее дыхание и с нежностью рассматривая маленький носик и крепко сжатые крохотные губки.

– Какая же она хорошенькая, – вдруг неожиданно для себя сказал он вслух совершенно счастливым голосом и тут же смущенно посмотрел на доктора и Наташу. Те рассмеялись, но он понял, что они смеялись не над ним, а просто обрадовались, что он так любит эту, ставшую и им близкой, девочку.

– Да, – перестав смеяться, вполне серьезно поддержала его Наташа. – Она очень красивая девочка, просто кукла.

– Конечно, – не отстал от нее и Юрий Николаевич, – я

много новорожденных детей повидал на своем веку и могу со всей ответственностью сказать, что ваша самая лучшая. Она и больше, чем все, выглядит прямо на два месяца.

Конечно, Стас понимал, что доктор, скорее всего, говорит такие же слова каждому родителю, но все равно ему было приятно. Он сердечно попрощался с ним, доктор взял с Наташи слово, что она будет навещать его или хотя бы звонить, так как он совсем не равнодушен к ее судьбе и судьбе Сашеньки, и они поехали домой.

Дома Наташа естественно распеленала Сашеньку, и Стас с ужасом убедился, что девочка совсем не большая, как говорил доктор, а наоборот, очень даже маленькая. Маленькими и тоненькими были ее ручки и ножки и уж совсем слабенькой выглядела шейка, на которой даже не держалась круглая выпуклая головка. Глядя на это Стас понял, что в ближайшие несколько месяцев, пока она не подрастет и не окрепнет, он даже не решится взять ее на руки из боязни сломать ей что-нибудь, и только с опаской смотрел, как быстро и ловко Наташа переодевает малышку, бесстрашно перекатывая ее с одного бочка на другой. К вечеру, правда, Наташа уговорила его взять ее на руки и подержать солдатиком, пока она не срыгнет после еды. Ему повесили на плечо полотенце и осторожно вручили малышку. Ее головка, которую она, понятное дело, сама не могла держать доверчиво легла ему на плечо, а поднятые вверх ручки как будто бы обняли за шею, и он, замерев от такого доверия, стал нежно поглаживать ей

спинку снизу вверх, как велела ему Наташа. Она была такой маленькой, такой хрупкой, такой беспомощной, что он вдруг подумал, сколько же нужно любви, нежности, заботы, чтобы вырастить одного единственного человеческого детеныша и какая страшная ответственность лежит на нем, ответственность за жизнь человека, потому что только он и еще Наташа стоят между суровым миром и этим осиротевшим ребенком.

Через два дня прилетели его родители. Перед тем, как позвонить им и сообщить о внучке, он целый день думал, что им сказать. Они не знали о его тайне, были уверены, что могут получить внуков в любой момент, как только их сын женится на достойной его особе. Единственное затруднение было только в том, как найти достойную, потому что планка, особенно у его матери, стояла очень высоко. Еще бы, сын и красавец, и умница, и миллионер, поэтому ему тоже нужна была и красавица, и умница, и дочь миллионера, а еще с хорошим характером, с умением вести его роскошный дом и при этом любящая его самого, а не его деньги.

В известии, что у него родилась дочка, его мать сразу почувствовала угрозу всем своим планам и засыпала его морем вопросов, откуда дочка, кто ее мать, и как он вообще мог допустить, чтобы этот внебрачный ребенок родился.

– Допустил, потому что был уверен, что это не мой ребенок, – объяснил Стас.

– А теперь ты точно знаешь, что это твой? – саркастически спросила мать.

– Да, теперь точно знаю, так как может быть, тебе известно, что существует такая вещь, как генетическая экспертиза.

– Ну хорошо, так что ты теперь считаешь, что обязан жениться на этой женщине? Кто она?

– Это уже неважно, – сухо ответил он. – Я даже если бы и хотел, не могу на ней жениться, так как она умерла сразу после родов.

– Как умерла? – ахнула мать. – Что с ней случилось? Разве в наше время бывает такое?

– У нее было больное сердце, так что я теперь отец-одиночка, – попытался неловко пошутить Стас.

– О господи, – снова пришла в ужас его мать. – Нам только этого не хватало. Но разве у нее нет никаких родственников, которые могли бы забрать ребенка? Ведь не можешь же ты ее воспитывать сам.

– Именно это я и собираюсь делать.

– Но ведь это невозможно.

– Почему же? Я взял ей хорошую няню, так что за ней есть кому смотреть, и я собираюсь ее вырастить сам.

– Но ведь ты же должен будешь когда-нибудь жениться, у тебя и у твоей жены будут другие дети, захочет ли она терпеть чужого ребенка?

– Не чужого, мама, а моего.

– Но для нее чужого.

– Так что ты хочешь? Чтобы я отдал своего ребенка в детский дом?

– Нет, конечно, об этом не может быть и речи. Но какой-то другой выход все равно должен быть.

– Да? И какой же?

– В общем так, я думаю, мы с папой должны к тебе приехать и подумать на месте. Мы все равно собирались навесить тебя, ведь уже почти восемь месяцев не виделись, так что я ему все скажу сегодня, и, наверное, завтра-послезавтра мы прилетим. Я позвоню тебе, когда нас встречать.

По дороге из аэропорта мать продолжала засыпать его градом вопросов и предложений, куда девать ребенка, но Стасу было все равно, что она говорит. Он уже не представлял себе жизни без дочки. Отец отнесся к новости более толерантно и время от времени пытался урезонить жену, но ему не удавалось. Стас уже приготовился к тому, что без крупной ссоры с матерью все равно не обойдется, но, как ни странно, Сашенька сама помогла ему решить этот вопрос. Когда мать увидела ее, она только всплеснула руками, осторожно взяла ее на руки, и как ни в чем не бывало, очень нежно сказала:

– Здравствуй, маленькая, я твоя бабушка, мы с тобой будем очень любить друг друга, да?

И пораженному Стасу оставалось только констатировать, что маленький ребенок действует завораживающе на любую женщину, даже на такую, как его мать.

А вечером они с отцом уже откровенно смеялись, когда сидя за кружкой пива, слушали, как из ванной комнаты, где мать и Наташа купали ребенка, доносится нежный лепет и

агуканье новоиспеченной бабушки.

– Знаешь, в каждой нормальной женщине все равно живет стремление быть в первую очередь мамой, бабушкой, то есть, стремление растить ребенка, даже, если она и твердо решила посвятить свою жизнь карьере. Я ведь, между прочим, хотел иметь несколько детей. После тебя все пытался ее уговорить на второго, она все откладывала, то диссертации ей нужны были, то поездки на конференции, а потом стало поздно. И хотя она всю жизнь мне потом говорила, что ни капли не жалеет, что больше не рожала и одного с нее хватит, я думаю, она жалела, что не родила себе дочку. Вот теперь слышишь, как отрывается?

– Да слышу, конечно, – засмеялся Стас. – А только чего ж она всю дорогу придумывала, кому бы можно было отдать Сашеньку?

– Да это так, нужно же ей было поворчать немножко. А сама набрала с собой твоих детских фотографий, чтобы сравнить вас, похожа она на тебя или нет.

– Ну и сравнила?

– Сравнила, конечно.

– Ну, и что решила, похожа или нет?

– Сказала, что Сашенька точная копия... ее самой, – захохотал отец. – Она оказывается, и свои фотографии тоже взяла.

Родители прожили у него три дня. За это время мать очень близко сошлась с Наташей, много разговаривала с ней, смот-

рела, как та ухаживает за ребенком, и наконец, сказала:

– Тебе крайне повезло с Наташей, она очень хорошая женщина, так что за внучку я теперь спокойна. Она в надежных руках.

После этого они с отцом уехали, и Стас, Наташа и Сашенька зажили втроем.

* * *

Первые дни Стас прожил в ужасной тревоге. Он все никак не мог опомниться от ответственности, которую взял на себя. Он отвечал за жизнь человека, он должен был вырастить эту девочку, не допустить, чтобы с ней случилось что-нибудь плохое и обеспечить ей счастливое детство. Когда он думал о том, что она может, не дай Бог заболеть, или ей чего-нибудь будет не хватать, а он и не догадается, чего, а ведь она его единственный ребенок на всю жизнь, он приходил в ужас. Одна надежда была на Наташу, и Стас с благоговением выслушивал ее распоряжения и с готовностью их выполнял. Несмотря на то, что у них была радионяня, когда Наташа отлучалась из комнаты, он сидел у кровати девочки, прислушиваясь к ее дыханию. Однажды он задремал и во сне ему почудилось, будто кто-то крикнул ему в ухо, что же ты спишь, у тебя ведь ребенок, и он вскочил, испуганный, что с девочкой что-то случилось, пока он спал. Но все было в порядке, и Наташа посмеялась над ним, когда он рассказал

ей об этом.

– Младенцы гораздо крепче и приспособлены к выживанию лучше, чем нам кажется, – говорила она ему. – Они ведь продолжение рода, а это главное, к чему стремится природа, поэтому она заложила в них максимум выживаемости, но конечно, им необходим надлежащий уход.

Надлежащий уход у Сашеньки был, это Стас знал точно и Наташе доверял безоговорочно. В его душе прочно поселилось какое-то доселе ему неведомое теплое нежное чувство, которому он сам удивлялся, так как раньше ничего подобного не знал и даже не подозревал, что с ним может такое произойти. Конечно, ему по-прежнему приходилось много времени уделять работе, так как дело есть дело, и без хозяйского глаза даже самый налаженный бизнес скоро развалится. Часто в разгар рабочего дня он настолько погружался в этот непрерывный процесс переговоров, заседаний, изучения документов, что забывал обо всем на свете и вдруг, отдавая какое-нибудь распоряжение или устраивая головомойку нерадивым работникам, он неожиданно ощущал внутри себя какую-то радость и в первые секунды с недоумением думал, а что же это такое, что хорошего у него случилось и тут же вспоминал, ребенок, дочка, Сашенька – вот что теперь у него есть, и всю его душу заполняло ликование, он отец. Ему хотелось, чтобы время промчалось быстрее, чтобы она поскорее подросла и начала понимать, как он ее любит, и как о ней заботится.

– Когда она уже начнет узнавать меня и улыбаться мне? – смущенно спрашивал он Наташу.

– Через несколько месяцев, потерпите, – отвечала та, и он только вздыхал, легко сказать потерпите.

– А когда она начнет говорить мне «папа»? – еще более смущаясь снова спрашивал он.

– О, ну это месяцев в девять. И Наташа отворачивалась, чтобы скрыть улыбку при виде расстроенного лица нетерпеливого папаши.

Стасу еще повезло, что Саша оказалась здоровым и веселым ребенком. Она хорошо ела, по ночам спала, редко плакала и часто улыбалась. Иногда, видя, как она во сне вдруг расплывается в широкой улыбке, Стас удивлялся и спрашивал:

– Почему она улыбается? Что такое смешное могло ей присниться? У нее что, есть чувство юмора?

– Это просто с ней сейчас ангелы разговаривают, – серьезно объясняла ему Наташа, и Стас ей верил.

Время шло. Сашенька стала улыбаться ему вполне осознанно и даже протягивала ручки, когда он подходил к ее кровати.

– Она хитрая, – говорил довольный Стас. – Если я не беру ее сразу на руки, начинает кривить личико, как будто сейчас заплачет, а как только беру, сразу начинает улыбаться.

– Конечно, – подтверждала верная няня, – ей же хочется внимания. А вы держите ее почаще на руках и разговаривай-

те с нею. Дети развиваются, когда с ними много разговаривают.

– А почему же все постоянно говорят, что детей не нужно приучать к рукам?

– Это ленивые родители говорят или глупые. Детей нужно обязательно брать на руки, прижимать к себе и ласкать. Тогда они растут счастливыми, и у них будет хороший характер и здоровая психика. Да и вам ведь приятно держать ее в руках. Через несколько лет вы захотите взять ее на руки, а она уже не захочет, ей уже будет интереснее с другими детьми общаться, так что радуйтесь сейчас, что пока она принадлежит только вам.

Сама Наташа относилась к своим обязанностям няни очень серьезно. Благодаря своей профессии она знала все об уходе за младенцем, но Сашенька росла, и этого становилось мало. Нужно было знать и как воспитывать ребенка, чтобы он рос счастливым и довольным. И Наташа стала покупать книги о воспитании детей и очень внимательно прочитывала их. Еще она читала статьи в интернете, заходила на форумы и в сайты, предназначенные для молодых мам. Она давала и Стасу купленные ею книги, а если у него не было времени их читать, то пересказывала их ему сама.

– Понимаете, – делилась она с ним почерпнутыми знаниями, – ребенку нельзя ничего запрещать просто так без объяснений, потому что такие запреты кажутся ему бессмысленными, и он восстает против них. Ребенку нужно все объяс-

нять, и он обязательно поймет и будет делать все, что нужно по своей воле. Помните, как нас учили классики марксизма-ленинизма: свобода – это осознанная необходимость. У них, между прочим, было немало и умного, их тоже нельзя полностью отрицать. Так вот, если ребенка приучать все время подчиняться, ему можно сломать характер и на нем всю жизнь все будут ездить. Мы же не хотим такого для Саши.

– Боже упаси, – пугался Стас, представляя, что кто-то будет угнетать его любимую дочку. – У нее обязательно должен быть характер.

– И вообще, она должна быть личностью и уметь постоять за себя. Ведь ей предстоит унаследовать вашу фирму.

– Да, конечно, – как-то нерешительно сказал Стас.

– А почему вы так странно об этом говорите? – удивилась Наташа. – Разве у вас есть кто-нибудь еще в наследниках?

– Нет, она единственная, но дело в том, видишь ли, – он замаялся. – Ну, в общем, я по работе часто встречаюсь с разными людьми, как правило, с успешными предпринимателями, среди них есть и немало женщин. И вот, что я заметил, счастливых жен среди них нет. Они все или разведены, или вообще никогда не были замужем. И я понимаю почему. Успеха добиваются люди с сильным характером, а женщине с сильным характером не так-то просто найти себе мужа.

Женщине с обычным характером, между прочим, тоже, чуть не вырвалось у Наташи, но она вовремя спохватилась и прикусила язык, а Стас, ничего не заметив, продолжил де-

литься с нею своими наблюдениями.

– Понимаешь, сильные мужики, они себе в жены не хотят ровню. Им нужно, чтобы жена от них зависела, чтобы они могли командовать, потому что у них, видите ли, характер. Одним нравится, чтобы жена сидела дома, была этакой наседкой, воспитывала детей, создавала уют и встречала его, когда он придет усталый с работы или от любовницы. Другие хотят молодую красивую жену, которую можно с гордостью вывозить в свет, баловать подарками, но которая опять-таки не смеет и пикнуть под угрозой быть выброшенной из дома. А кто остается успешным бизнесменом, которые сами привыкли командовать? Только альфонсы, которым нужны их деньги или слабаки, типа, да, дорогая. Но такие им и самим неинтересны. Вот и получается, что деньги у них есть, а счастья нет.

– Так что же нам делать? – пугалась теперь уже Наташа, и они долго сидели пригорюнившись, переживая за Сашенькину семейную жизнь. Потом им приходило в голову, что проблемы лучше всего решать по мере их поступления, и они откладывали свое беспокойство на более отдаленные времена.

А время шло, и Сашенька росла, хотя Стасу и казалось, что очень медленно. Постепенно становилось ясно, что их дискуссии о том, нужно ли, чтобы у Сашеньки был характер, совершенно бесполезны, так как обо всем позаботились природа и наследственность. От своей тихой и застенчивой

мамы Сашенька унаследовала только ангельское личико, во всем остальном она была дочерью своего отца. Одним из первых слов, которые она научилась говорить, стало твердое «нет». Сначала взрослых всего лишь забавляло то, как решительно она произносит это слово, но постепенно они с удивлением поняли, что с этим «нет» приходится считаться, так как просто так она никогда не брала его обратно.

Однажды во время одного из своих нечастых приездов бабушка, уверенная, что имеет дело с обычным двухлетним ребенком, объявила, что сейчас ее внученька пойдет спать.

– Нет, – прозвучало в ответ, и Сашенька преспокойно продолжила заниматься своими игрушками.

– Как это нет? – удивилась бабушка, воспитанная в старомодном заблуждении, что маленькие дети должны слушаться взрослых и выполнять их требования. – Как это нет. Маленькие дети растут во сне, а ты ведь хочешь...

– Нет, – снова услышала она и убедилась, что Сашенька не проявляет никаких признаков готовности к подчинению.

Бабушка беспомощно повернулась к Наташе, не зная, что делать дальше. Наташа, вздохнув, отвела ее в сторону и шепотом сказала:

– Вы не понимаете, у нас «нет» значит «нет», и ничего с этим не сделаешь.

– Но как же вы тогда с ней справляетесь? – также шепотом спросила бабушка.

– Хитростью, – ответила Наташа. – Она же еще очень ма-

ленькая девочка и ее пока можно обмануть.

– И как же это?

– А вот смотрите.

Наташа повернулась к Сашеньке и громко сказала:

– Ой, мы же сказку с тобой хотели почитать, ты разве не помнишь?

Бабушка могла дать голову наотрез, что Сашенька посмотрела на свою няню с явным подозрением, но та настойчиво продолжала:

– Ну да, ты же сама говорила, «хочу сказку» про трех поросят.

Саша еще некоторое время продолжала недоверчиво смотреть на нее, но, видно, она еще, в самом деле, была маленькой и не понимала, что взрослые могут так нагло обманывать, поэтому вдруг смягчилась и милостиво кивнула.

– Да, сказку, – сказала она. – Хочу сказку.

– Ну, вот и хорошо, – торопливо подхватила Наташа. – Давай, убирай свои игрушки, и мы пойдем в твою комнату. Ты там приляжешь, чтобы тебе было удобно слушать, а я тебе буду читать.

Бабушка, внимательно наблюдавшая за этой сценой, сама теперь взяла Наташу за руку и отвела подальше от девочки.

– Как я погляжу, не так уж легко эти хитрости срабатывают даже сейчас, а через год они вообще не будут проходить. Что тогда вы будете делать?

– Будем ей объяснять, – верная своим принципам, отве-

тила Наташа. – Она хоть и упрямая, но достаточно разумная девочка. Ее можно убедить, она поймет. Мы со Станиславом Михайловичем решили, что, если будем неправы, то будем всегда откровенно признавать это и извиняться перед ней. Поэтому и она будет тоже готова признать свою неправоту.

– Да? Вы так в этом уверены? – саркастическим тоном высказала свои сомнения бабушка.

– Ну, мы, по крайней мере, на это надеемся, – подвела итог их беседе Наташа, и повела свою воспитанницу в ее комнату.

– Знаешь, – пожаловалась вечером мужу бабушка, когда они остались вдвоем в отведенной им комнате. – И Стас и Наташа очень балуют девочку. Она у них растет совершенно своевольной, а они считают, что это хорошо, потому что она у них вырастет личностью.

– Не понимаю я этих теперешних выражений, – ответил ей муж. – Что значит личностью? Если человек упрям как осел и настаивает на своем, даже, если и ежику понятно, что он не прав, это значит, что он личность. А если может честно и откровенно признать свои ошибки, то это у него нет характера, так что ли?

– Нет, здесь все гораздо сложнее. Они не будут ей никогда ничего запрещать, а только уговаривать и убеждать, и она все будет делать только сознательно.

– Господи, ну и чушь, – вздохнул ее муж. – Не знаю, заметила ли ты, что у нашего сына все делается не по-людски. Ну, вот смотри, они живут втроем, живут хорошо, как настоящая

семья, и в то же время у них не семья. Что ему надо? Наташа прекрасный человек, умница, хозяйка, Сашку любит без памяти. И еще она, между прочим, красивая женщина, просто ходит все время в домашних платьях и без косметики. Ты бы ей подсказала, что ли? А может, у них все-таки что-то есть? Ну, отношения там, они же уже два года в одном доме живут, молодые оба. Ты ничего такого не замечала?

– Да там и замечать нечего, ничего у них нет. Наташа для него просто Сашенькина няня, и это святое. Но я уже сама решила с ним поговорить, боюсь только. Ты же знаешь, какой он упрямый, всегда все делает наоборот.

– Ну, так пора ему уже и поумнеть, наверное. В общем, попробуй с ним поговорить, вдруг что-нибудь да выйдет.

Удобный случай представился на следующий день после обеда. Наташа увела Сашеньку в ее комнату смотреть картинки в новой книжке, то бишь, ложиться спать, отец Стаса прилег подремать сам без всяких уговоров, и мать с сыном остались одни.

Сынок, – начала она разговор, как и было задумано. – Тебе уже тридцать лет. Тебе не кажется, что уже пора бы и жениться. Сашенька еще достаточно маленькая, чтобы ей можно было сказать, что твоя жена, это ее мама, и она и будет считать ее своей мамой.

– Это легче сказать, чем сделать, – рассеянно возразил ей сын, не отрываясь от каких-то бумаг. – Да и зачем? Нам и так неплохо, а лучшее – враг хорошего. Ну, приведу я какую-ни-

будь, а она вдруг с Наташей не уживется или даже с Сашкой. Ты же сама видишь, что дочка моя хоть и маленькая, но характер у нее тот еще. Она только меня и Наташу признает, вернее, Наташу и меня.

– Ну так вот и я говорю, – подхватила мать, видя, что разговор направляется в нужное русло. – Сашеньке нужна любящая мать, а не какая-нибудь любая женщина...

– Так ведь в этом-то все и дело, – перебил ее сын. – Где я, по-твоему, найду ей любящую мать? Притвориться на время ведь не трудно. Ну, сделает там эта какая-нибудь вид, что полюбила мою дочку всем сердцем, будет при мне сюсюкать с ней, а потом будет ее обижать. Нет, я Сашку только Наташе доверяю.

– Так ты же меня перебил и не дал сказать, – торжествуя воскликнула мать, понимая, что решительный момент наступил, – я считаю...

И тут зазвонил мобильный телефон Стаса и, несмотря на протесты матери, он немедленно поднес его к уху и стал разговаривать. Она терпеливо ждала, твердо решив сегодня же довести дело до конца, но, увы, судьба была не на ее стороне. Окончив разговор, Стас вскочил на ноги и мгновенно направился к двери, торопливо сказав матери, что у него решается важное дело, и его присутствие там сейчас совершенно необходимо. Так и не дослушав, что она пыталась ему сказать, он выскочил из дому, и до нее донесся шум отъезжающего автомобиля... Раздосадованная, она решила дождаться-

ся его, чтобы объяснить все-таки, что она имела в виду, но поздно вечером он позвонил и сказал, что ему нужно повести важных клиентов в ресторан, и он придет, скорее всего, под утро. На следующий день родители уезжали, и он едва успел отвезти их в аэропорт, так что разговор не состоялся.

– Ладно, – вздохнув, сказал отец, когда она доложила ему о полном провале своих переговоров, – может быть, это и к лучшему. Может, он и сам поймет на ком ему лучше всего жениться. Вот увидишь, в один прекрасный день он позвонит и скажет, поздравьте нас, мы с Наташей решили пожениться.

Первое время после приезда он так часто повторял это, что убедил и себя и жену, и, подходя к телефону, чтобы поговорить с сыном, они каждую минуту ожидали услышать эти слова. Но время шло, а Стас их так и не произносил, и они постепенно перестали надеяться на это. Во время их следующего приезда у него, как они поняли, был в разгаре роман с какой-то женщиной, она все время звонила ему, и он разговаривал с ней с явным удовольствием, но когда мать спросила его, не собирается ли он, наконец-то, привести Саше новую маму, он только рассмеялся и сказал:

– Ну, знаете ли, это была бы самая неподходящая мама для моего ребенка.

Тем не менее, он проводил с ней почти каждый вечер, хотя домой не приводил и на вопросы матери, серьезно ли у него это, отвечал уклончиво, а когда она все-таки с ножом у

горла добилась от него ответа, то услышала, что это была бы и самая неподходящая в мире жена.

Все это родители потом обсуждали поздно ночью, и мать кипит от возмущения, говорила.

– Да что же это такое делается. Если эта женщина не годится ни в жены, ни в матери, зачем же он с ней только время понапрасну теряет.

– Ну так, может, он в нее влюблен, – пытался урезонить ее отец.

– Влюблен? Ты что шутишь? Ему что семнадцать лет, чтобы влюбляться в черт знает кого, только потому что она, может быть, смазливая? У него дочь растет без матери. Его разве кто-то заставлял заводить ребенка? Никто. Но уж если завел и если так получилось, что у ребенка нет матери, будь добр позаботься о том, чтобы найти ей эту мать. Или уж, по крайней мере, найди себе хоть подходящую жену. Не мальчик ведь уже, слава богу.

Тем не менее, несмотря на то, что она ему все это высказала и продолжала повторять потом по телефону, как она поняла, жену он себе искать не собирался. Дома с хозяйством у него все было налажено, за дочкой присматривала любящая ее Наташа, женщин хватало. Чего еще ему желать и зачем создавать самому себе трудности, а до одинокой старости ему еще далеко, говорил он матери в ответ на ее приставания, и все оставалось по-прежнему.

А время шло. Стасу в этом году должно было стукнуть тридцать один, Сашеньке исполнилось три с половиной. У нее по-прежнему было милое ангельское личико ее матери, но характер и все остальное было явно папино. В своей группе в детском саду она была самой крупной девочкой и при ее характере, естественно, лидером, чьи приказы даже не обсуждались, а только выполнялись. К счастью, никаких непредсказуемых выходов она не совершала, так как была разумной девочкой и всегда все обдумывала, сказывалось Наташино воспитание. У нее была прекрасная память, она все схватывала на лету и обязательно запоминала. Больше всего она любила учиться, игры признавала только обучающие и не пропускала ни одного незнакомого слова, чтобы не спросить, что оно значит. Наташа и Стас как могли объясняли ей эти слова, обязательно добавляя примеры, так как она позже не упускала случая вставить эти слова в свою речь и бывала очень довольна, когда ей удавалось поразить кого-нибудь случайного гостя своей эрудицией. В свою очередь она также любила порассуждать и поучить кого-нибудь жить, в основном, взрослых, так как будучи девочкой, достаточно тщеславной, заметила, что дети чаще всего даже не понимали, что она им говорит, а вот взрослые обычно удивлялись и даже восхищались ею. Правда ее собственную родную ба-

бушку это только возмущало, тем более что Саша почему-то считала, что именно бабушку и дедушку ей нужно особенно учить жить, так как по ее мнению они очень многого не знали, по крайней мере, как обращаться с детьми, это уж точно. Дед обычно только посмеивался и заводил с ней долгие дискуссии, а вот бабушка считала, что ей дают слишком много воли, и вот если бы у нее была мать, она бы могла поставить ее на место.

Незадолго до дня рождения Стаса родители объявили, что приедут к нему, чтобы вместе отпраздновать этот день. На самом деле тайной целью являлась очередная попытка уговорить его наконец-то найти себе жену. Памятуя, что по известной русской поговорке в тридцать лет жены нет и не будет, родители стали не на шутку волноваться, не собирается ли он остаться одиноким на всю жизнь. Да и Сашеньке уже три с половиной года. Еще год и уже невозможно будет убедить ее, что папина жена, это и есть ее мама. В общем, родители решили предпринять еще одну решительную атаку и приехали в гости, в связи с чем Стасу пришлось менять планы и срочно организовывать празднование дня рождения на дому. Вообще-то он очень редко приглашал в этот дом кого-нибудь из своих знакомых. С друзьями он обычно встречался в ресторанах, для женщин у него была квартира в городе, а здесь было царство Сашеньки и Наташи, и только совсем уж избранные удостоивались чести быть приглашенными в коттедж.

Вот и сейчас Стас решил, что пригласит всего несколько самых близких друзей с женами, затем приятелей родителей, которые когда-то были их однокурсниками, а теперь являлись почтенными профессорами, ну и, конечно, Сашенькиного друга Филиппа с родителями. Филипп был пятилетним мальчиком, который жил рядом с ними. Так как он был старше нее почти на два года, то стал третьим человеком, который пользовался у нее авторитетом, и если его мнение и не являлось решающим для нее, то все-таки она к нему прислушивалась.

В день именин Сашенька встала рано и с утра носилась по дому с озабоченным видом. Для нее праздник в их доме был в новинку. Ее собственный день рождения отмечали в детском кафе, где специально приглашенные клоуны и фокусники развлекали ее маленьких гостей, а здесь должны были собраться взрослые люди. Кушать приготовит кухарка тетя Поля, а кто их будет развлекать?

– Ты, конечно, – в шутку сказал ей Стас, – ведь в этом доме вы с Наташей хозяйки. Наташа будет угощать гостей, а ты будешь их встречать и развлекать.

Стас даже и не подумал, что Сашенька примет это настолько всерьез. Ужасно взволнованная, она прибежала к бабушке и потребовала, чтобы та ей рассказала, как нужно встречать гостей.

– Очень просто, – также полушутя просветила ее бабушка, – ты будешь стоять на пороге вместе с папой, и когда го-

сти войдут, поздороваешься, спросишь, как у них дела, как здоровье. Потом развернешь подарок и обязательно похвалишь его и поблаговаришь. А потом пригласишь гостей в дом. Вот и все.

Целый вечер Сашенька просидела в задумчивости, шепотом повторяя про себя свои обязанности и пересчитывая их при помощи пальчиков, чтобы не дай бог не пропустить какую-нибудь. Но утром ей показалось, что как одна из хозяек дома, она также обязана принять участие в приготовлении угощения и размещении его на столе. Поэтому первую половину дня она провела на кухне и в столовой, вертась у всех под ногами и каждую минуту тревожно спрашивая, достаточно ли вкусно то, что они готовят, успеют ли они все закончить и не пора ли уже накрывать на стол. Чтобы как-то занять ее и успокоить, ей давали посильные поручения, она старательно их выполняла и тут же требовала, чтобы ей поручили что-нибудь еще.

Во второй половине дня умытая и нарядно одетая во «взрослое» ниже колен велюровое платье, белые чулочки и лаковые туфельки, она смущенным шепотом попросила Наташу сделать ей взрослую прическу. Старательно пряча улыбку, Наташе любовно расчесала ей волосы и, подняв наверх, заколола шпильками. Результат получился ошеломляющий, Саша стала действительно выглядеть взрослой. Не обращая внимания на неодобрительно поджатые губы бабушки, она ринулась к зеркалу. Покрутившись там и тщательно

оглядев себя со всех сторон, она удовлетворенно вздохнула и повернулась ко всем с гордой и в то же время застенчивой улыбкой, как бы приглашая их полюбоваться ею и высматривая восхищение в их глазах. Дед первым понял, что именно сейчас ей нужно и подчеркнуто громко объявил:

– Да, хороша, можно сказать, даже очень хороша.

Стас, пришедший в себя от изумления, вызванного тем, что как оказалось у него уже почти взрослая дочка, тоже включился в игру, и подойдя к ней, сказал:

– Вы прекрасны, мадемуазель. Разрешите поцеловать вам руку?

Саша счастливо улыбнулась, а он, помня из подсунутых ему Наташей статей, что любящий отец должен первым продемонстрировать дочери образец мужчины-джентльмена, чтобы став взрослой она твердо знала, какого обращения она достойна, опустился на одно колено и поцеловал мило-стиво протянутую ему ручку.

Но это все были только цветочки. Ягодки начались, когда стали съезжаться гости. Еще в дверях Сашенька накидывалась на них с громким «здравствуйте», а потом немедленно интересовалась, как они себя чувствуют, и как у них идут дела. После этого, не давая никому сказать ни слова, она требовала, чтобы Стас сразу же посмотрел подарок и тут же, даже не дождавшись, пока он развернет его, начинала восхищаться и хвалить. Вскоре ей показалось, что она мало задает вопросов, и она стала дополнять беседу всеми вопросами, ко-

торые ей казались уместными. Она спрашивала их, как себя чувствуют их родители, их дети и даже их кошки и собаки.

Последними пришел Филипп и, пока его родители вручали подарок имениннику, он вручил большую коробку Саше. Та, удивившись вслух, что ей принесли подарок, а ведь именинник папа, с любопытством раскрыла коробку и взвизгнула от восторга.

– Наташа, Наташа, смотри, это дом для Барби, тут есть разная мебель, из нее можно делать всякие комнаты. Ой, даже ванна есть и туалет, смотри, какой маленький.

– Не кричи так, лучше поблагодари Филиппа за подарок, – строго осаждала ее бабушка, которая в отличие от посмеивающегося Стаса и снисходительно улыбающейся Наташи, не одобряла такого вольного поведения своей внучки. По ее мнению, дети, допущенные в общество взрослых, должны были тихо сидеть в углу и ожидать, пока взрослые не обратятся к ним.

– Ну так скажи же ему спасибо, – снова строго повторила она.

И тут с Сашенькой произошла какая-то странная перемена. Она выпрямилась, одной рукой подбоченилась, другую манерно выставила вперед ладонью кверху и, придав лицу скучающее выражение, произнесла тоном опытной светской львицы:

– Женщины не благодарят, они всю жизнь делают одолжение.

На секунду в комнате воцарилось ошеломленное молчание, сменившееся, однако дружным смехом.

– Г-споди, где ж ты такое слыхала? – утирая выступившие от смеха слезы, спросил дедушка.

– А, это наша учительница по танцам так говорит, – простодушно махнула рукой Сашенька.

– Так ты, значит, занимаешься танцами. Это хорошо, будешь уметь красиво танцевать.

– Вот еще, – снова махнула рукой Сашенька. – Мы занимаемся танцами совсем не для того, чтобы уметь красиво танцевать.

– А для чего же? – удивились присутствующие.

– Мы занимаемся танцами для того, чтобы быть женственными, – наставительно сказала она. И тут же снова приняв предыдущую позу, сказала тем же голосом:

– Девочки, вы должны быть женственными, иначе все женихи убегут от вас. А зачем они нужны, эти женихи? – недоуменно прибавила она уже своим обычным голосом.

– Ну как же, женихи штука нужная, – отсмеявшись, сказали ей гости.

– Вы не понимаете, женихи это мальчишки, – серьезно начала объяснять Саша, – а с мальчишками все время приходится драться.

– Это еще почему?

– Потому что они всегда все портят, то кукол забирают, то домики ломают, то дразнятся.

– А нельзя с ними как-нибудь мирно договариваться? – поинтересовалась бабушка.

– Нет, мирно нельзя, – убежденно ответила ей внучка.

– А если они тебя побьют? Что ты тогда будешь делать?

– Меня? – удивилась Сашенька. – Они не могут меня побить. Я в группе самая большая. Они все меня боятся. А теперь еще Сережа отдаст меня на карате, так я вообще всех побью.

– Какой Сережа, наш охранник? – удивился Стас.

– Да, – кивнула Сашенька.

– А почему это он тебя отдаст на карате?

– Потому что он мой брат.

– Как это? – еще больше изумился Стас. – Чего это вдруг он твой брат?

– Потому что ты – мой папа, Наташа – моя мама, а Сережа мой брат. Я всем так говорю, потому что у всех остальных есть и папа, и мама, и братья или сестры. Поэтому я так решила, чтобы все было как у людей. Тетя Поля всегда так говорит, что у нас все должно быть, как у людей. Вот, и я так решила, раз у всех есть, то и у меня должно быть.

В комнате воцарилось молчание. Стас потрясенно смотрел на дочку, чувствуя, что у него сердце разрывается от жалости к ней. Ведь он же был уверен, что его девочка растет счастливая, что у нее все есть, а ей, оказывается, не хватает самого элементарного, того, что есть у всех – мамы, сестер и братьев. И она себе их выдумала, чтобы быть как все. Да,

мать-то, оказывается, была права. Ему давно следовало найти хорошую женщину, которая могла бы стать ей матерью.

Он поднял глаза и виновато посмотрел на свою мать, а она, глядя на него что-то беззвучно прошептала. А я ведь тебе говорила, прочитал он по ее губам.

– Э, так значит ты учишься, а я думал, что ты уже работаешь, вон какая ты уже взрослая, с прической, – пошутил один из гостей, чтобы прервать неловкое молчание.

– А я и работаю тоже, – уверенно заявила Саша.

– Да? – удивился гость. – А где же ты работаешь?

– В детском саду, – последовал ответ.

– В детском саду? А кем же ты там работаешь?

– Ребенком, конечно, а кем же еще, – удивляясь непонятливости взрослого человека, снисходительно объяснила Сашенька.

– Ну конечно ребенком, как я сам не догадался – сказал гость, – это, в общем-то, логично.

Сашенька моментально отреагировала на новое слово.

– Папа, ты слышал, дядя сказал логично. Что такое логично?

– Гм, ну, логично, это значит, что так и должно быть, то есть правильно.

– Например, – требовательно продолжила она.

– Например, так как ты ребенок, то для тебя логично работать ребенком. Или вот еще. Представь, что мы пошли гулять далеко от дома и проголодались, что для нас логично

сделать? Вернуться домой и прервать прогулку?

– Нет, пойти в Макдональдс, и там наесться, – довольная своей догадливостью, объявила Сашенька. – Это будет логично?

– На все сто, – объявил гость, и Сашенька победно засмеялась.

– Ну, раз ты так любишь узнавать все новое, тебе, наверное, нравится ходить в детский сад? Там ведь вас учат?

– Да, – как-то неохотно ответила она.

– А тебе что в садике не нравится?

Сашенька отрицательно покачала головой.

– А что же тебе не нравится?

– Так там же воспитательница все время командует.

Сашенька снова встала в позу и низким голосом командовала:

– Дети идите туда. Дети идите сюда. Дети стойте там. А я не люблю, когда командуют.

– Ты, по-видимому, сама любишь командовать? – осторожно осведомился дедушка.

– Да, – так искренне вырвалось у нее, что все снова засмеялись.

– Ну, это понятно, ты дочь своего отца, – кивнул один из партнеров Стаса. – Но изображаешь ты всех здорово, у тебя просто талант.

– Да, я настоящая Сара Бернар, – преспокойно объявила Саша.

– Кто-кто? – совсем изумились гости. – Сара Бернар? Откуда ты знаешь про нее?

– А так Наташа всегда говорит про меня, – объяснила Сашенька.

– А ты хоть знаешь, кто она? – нахмурясь, спросила бабушка, которой совсем не понравился весь этот цирк.

– Ну, конечно, – снисходительно кивнула Саша. – Она была великая английская актриса, она играла в театре, только она умерла.

– Саша никогда не пропускает ни одного нового слова и ни одного нового имени, чтобы не узнать, что это и кто это, и как это потом можно вставить в разговор, – тихонько шепнула бабушке Наташа. – Вот увидите, она теперь запомнит слово "логично" и будет стараться его употребить.

– Не знаю, хорошо ли это, – недовольно сказала та. – Уж очень она тщеславна.

– Ну что делать, такая она есть, – был ей ответ.

* * *

– Ну, что, говорила ты с ним?

– Говорила, конечно.

– Ну и что он сказал?

– Сказал, что сам уже понял, что девочке нужна полноценная семья.

– И дальше что будет?

– А дальше он постарается в ближайшее же время найти себе жену, а ей мать.

– Так, а с Наташей ты говорила?

– Ну, с Наташей, это не так просто. Все-таки она ведь мне не дочь. И вообще здесь надо быть очень деликатной. Я ведь не знаю, как она относится к \Стасу, а вдруг он ей совсем не нравится. Как ты считаешь, может такое быть?

– Да ладно, ты сама понимаешь, что такого быть не может. Чего он может не нравиться? Здоровый, красивый, умный, богатый, что еще женщине может быть нужно? Да еще они столько лет живут в одном доме и прекрасно уживаются. Я считаю, что это самый лучший вариант.

– Ты считаешь, А считает ли так твой сын? Понимаешь, я ведь тоже боюсь обнадежить женщину, а он вдруг даже и слышать о ней не захочет.

– Так поговори с ним. Объясни ему, что для Сашеньки ничего лучшего и быть не может. Кто еще будет ее так любить? А она как Наташу любит. Чуть что, сразу зовет ее.

– Да я понимаю, но ты же знаешь своего сына. Если ему что-то посоветовать, он обязательно сделает наоборот. Я вообще боюсь, а вдруг он высмеет меня. Он к ней прекрасно относится, уважает ее, но ведь это только как Сашенькину няню. А как женщина может она его и не интересуется.

– Между прочим, она сама все для этого делает. Платья носит какие-то старушечьи. И почему она не красится? Вот даже ты до сих пор подводишь глаза и ресницы красишь, и

не знаю уже что еще...

– Что значит даже я? Я что, по-твоему, уже такая старая, что мне даже не стоит и думать о своей внешности? Я что, так плохо выгляжу, и мне уже нужно махнуть на себя рукой?

– Ну, зацепил возом. Я просто имел в виду, что ты старше ее, а до сих пор смотришь за собой, и это хорошо и даже очень.

– Ладно, не подлизывайся. Между прочим, если тебе известно, у Гойи есть такая картина, старушка сидит перед зеркалом и, скажем по-современному, делает себе макияж. И называется эта картина «До самой смерти». Так вот, это обо мне.

– Ну и молодец. А ты и Наташе тоже посоветуй. Вот увидишь, если она подкрасится и наденет что-нибудь поярче, то будет настоящей красавицей. Давай, поговори с ней завтра.

Это тайное совещание проходило поздним вечером после ухода гостей в спальне родителей Стаса. Главное препятствие, нежелание жениться, можно сказать, было преодолено. Теперь задача была в том, чтобы направить его в нужную сторону, да так, чтобы не спугнуть, миссия почти что невозможная, но чего не сделаешь ради счастья любимого сына и внучки. И на следующее утро мать Стаса храбро приступила к выполнению второй части плана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.